

A photograph of a man in a striped shirt, looking down at his arm. His arm has a blood-soaked bandage. The background is a red vehicle. The image is split into three horizontal sections: the top section shows the man's head and shoulders, the middle section is a solid red band with white text, and the bottom section shows the man's arm and legs, which are also covered in blood.

АРАБСКАЯ ВЕСНА

2013 ИТОГИ

Фото: Manu Brabo—AP

Изначально предполагалось сделать три-четыре небольших статьи по итогам 2013 года, касающихся ключевых стран Ближнего Востока и Арабской Весны. Такой традиционный новогодний обзор. Но по ходу дела выяснилось, что события слишком переплетены между странами, событиями и процессами, и в итоге показалось более логичным развернуть обзор по гораздо большему числу стран. Заявленный «формат», при котором можно выделить каждую из стран в отдельный текст или статью, остался прежним, но при этом те или иные процессы и события, затрагивающие разные страны, перекликаются между собой в разных текстах.

В подобной ситуации кажется логичным дополнить обзор и российскими событиями, вытекающих прямо или опосредованно из ближне- и средневосточных, однако если разворачивать еще и эту тему, то речь может пойти уже о полноценном издании, чего делать не предполага-

лось.

Тем не менее, некоторая проекция на российские события показалась автору совершенно не лишней, а предновогодние события в Киеве, когда люди совершенно необъяснимым образом в очередной раз принялись наступать на старые грабли и бить себя ими по еще не зажившим шишкам, сделали такой обзор просто необходимым.

Технологии демонтажа стран и социальных субъектов непрерывно совершенствуются, создание же контртехнологий всегда запаздывает, причём временной разрыв между ними только нарастает. Если генералы готовятся к прошлой войне, то политики умудряются с трудом реагировать вообще на позавчерашние вызовы, удерживая ситуацию лишь благодаря ещё большей бестолковости неореволюционеров.

Так или иначе, но в итоге получилась и не

2013. Итоги

книга, и не сборник статей. Автор надеется, что его недельный труд окажется небесполезным, а интересным или нет — судить тем, кто его прочитает.

Содержание

Египет.....	6
Сирия.....	22
Иран.....	40
Саудовская Аравия и Аравийский полуостров.....	53
Ливия.....	72
Йемен.....	84
Афганистан.....	92
Украина.....	107
Россия.....	117

Египет

Хотя Арабская весна и началась в Тунисе актом саможжения никому ранее неизвестного Мохаммеда Буазизи, в событие регионального и мирового масштаба она превратилась в Египте, и символом её стала каирская площадь Тахрир. 3 июля 2013 года именно в Египте и вновь на Тахрире Арабская весна подошла к своему логическому концу. Революция прошла все положенные стадии, превратившись в контрреволюцию, а затем и реакцию. У каждой якобинской диктатуры есть свой Термидор. Арабская весна не стала исключением.

Военный переворот египетских генералов, свергших законно избранного президента Мурси, готовился практически в открытую чуть ли не за год, не заметить эту подготовку не было никакой возможности — вот только президент Мурси ничего не мог с этим поделать.

«Братья-мусульмане» сумели оседлать революционные события весны-лета 11 года в Египте, вышли на пер-

вые роли в мятеже в Ливии, пришли к власти в Тунисе. Они же создали «Лива-аль-Ислами», одну из наиболее боеспособных группировок боевиков в Сирии. Будучи единственной и хорошо организованной оппозиционной силой в своих странах, движение «братьев» сумело воспользоваться недееспособностью светских оппозиционеров и немногочисленностью на первом этапе Весны своих радикальных собратьев-салафитов. Нет никакого сомнения в том, что в случае, если бы планы Запада в отношении Сирии оказались выполнимыми, «братья» сумели бы получить политическую власть и там.

Однако взять власть и удержать её — две совершенно разные задачи. «Братья-мусульмане» и здесь не подвели классиков, доказав истинность этого утверждения. Управление — тоже наука, ей нужно учиться, к ней нужно иметь талант, опыт. Невозможно взять группу людей «из ниоткуда» и ожидать, что они сумеют решить сложнейшие задачи оперативного управления кризисной ситуацией. Несмотря на то, что лидеры «братьев» были умными и образованными людьми, к власти они оказались совершенно не готовы.

Теоретические построения вошли в противоречие с суровой практикой постреволюционного перманентного кризиса, требующего недюжинных знаний, умений, опыта, мгновенной реакции и практичной безжалостности.

Сейчас, оценивая причины повсеместного провала политического ислама, ориентированного на модернизацию и адаптацию архаичного учения к современной жизни, можно предположить, что же произошло. Почему неглупые, образованные и имеющие авторитет лидеры умеренных исламистов, за которыми пошли миллионы, не смогли удержаться у власти, почему уступили её.

13 год стал для президента Мурси годом балансирования на грани и топтания на месте. Пришедшая в себя после отставки маршала Тантауи в августе 12 года египетская номенклатура сумела сохранить за собой реальную власть: гражданскую, судебную, и главное, удержала позиции в армии. «Братья» же не сумели пойти по пути большевиков, позволивших генералам российского Генштаба быть военспецами, но и только. Армия и спецслужбы России были

немедленно взяты под революционный контроль и воссозданы заново, пусть даже ценой существенной профессиональной деградации на первом этапе. Мурси добился отставки Тантауи — но на этом его достижения завершились. Он либо не читал, либо не сумел понять мысль одного из очень немногих удачных предшественников-революционеров, кому удалось не только совершить революцию, но и удержать после неё власть — Ленина. В ключевой работе по этой теме «Государство и революция» вождь мирового пролетариата чётко указывает: «...Мысль Маркса состоит в том, что рабочий класс должен *разбить, сломать* "готовую государственную машину", а не ограничиваться простым захватом ее...»

В этом теоретическом труде, подкреплённом затем практикой Октябрьского переворота, Ленин вполне понятным языком объясняет, почему невозможно использовать казалось работоспособную и доставшуюся революционерам даром государственную машину. Мурси пришлось убедиться в правоте вождя на своём печальном примере.

Провал «братьев-мусульман» носил вполне объективный характер: революционная демократия Тахрира так и не перетекла в революционную диктатуру, с помощью которой решаются основные задачи удержания власти. Проскочив этот этап, египетская революция перешла через военный путч в стадию контрреволюционной диктатуры, которая теперь должна завершиться либо реставрацией, либо контрреволюционной демократией. Процесс разбиения революции на стадии был описан в 1995 году [А.Н.Тарасовым](#) в его работе «Национальный революционный процесс: внутренние закономерности и этапы»¹

Номенклатура не дала Мурси подкрепить свою победу парламентскими выборами. «Братья» так и не сумели запустить работу парламента, в котором они имели крупнейшую фракцию. Судебная власть делегитимизировала избранный на революционной волне парламент, а затем блокировала новые выборы своим апрельским решением. Мурси остался один на один с номенклатурой, сходу столкнувшись с теми же «цветными» технологиями, которые и

¹ <http://saint-juste.narod.ru/revprc.htm>

привели его к власти, только вот в этот раз они были использованы против него самого и его движения.

Созданная не без участия египетских спецслужб и военных молодёжная организация «Тамарод» на волне всеобщего недовольства провальной политикой Мурси подняла мощнейшее протестное движение, в котором объединились как революционеры, призывавшие вернуться к изначальным идеям Тахрира, так и противники революции, желавшие завершения её вовсе.

Миллионные толпы, вышедшие на Тахир, предоставили необходимую легитимность военному перевороту генералов, которые ждали только поддержки населения, чтобы милостиво согласиться с его единодушным требованием и выступить уже не узурпаторами, а спасителями нации.

Растеряв всех союзников, «братья» умудрились восстановить против себя даже идейно близких салафитов — хотя, безо всякого сомнения, здесь присутствовал и внешний фактор.

Внешний фактор появился в событиях Арабской весны практически с самого начала. Несмотря на то, что внутренние причины социального взрыва имели фундаментальный характер и послужили основной причиной и запалом происходящего, внешние игроки немедленно вошли в события и попытались использовать их в своей региональной или глобальной игре.

На глобальном уровне играли Соединенные Штаты, сделавшие ставку на полную смену конфигурации сил Ближнего Востока. Отчасти это было связано с идеологической парадигмой распространения американских ценностей любой ценой, отчасти с необходимостью ликвидации прежних элит Ближнего Востока, связанных экономически и финансово с политическими противниками нынешней демократической администрации Белого дома. Обама поставил на идейно близких «братьев-мусульман», как на силу, способную решить обе задачи.

Естественно, что против Обамы играли его противники из американской элиты, которых совершенно не устраи-

вала потеря влияния в регионе. Тем не менее, административный ресурс, сосредоточенный в руках президента сверхдержавы, позволил Обаме не просто предать прежних союзников Америки, но и оказать максимально возможное содействие в приходе к власти «братьев» в Тунисе, Ливии, Египте. Не его вина, что в конечном итоге его ставка провалилась. Даже со столь мощной поддержкой неспособность политического ислама в исполнении «Аль-Ихван аль-Муслимун» к осмысленной деятельности оказалась сильнее.

Региональные игроки в Арабскую весну — это, без всякого сомнения, Катар и Саудовская Аравия. Их интересы по конечным целям революционных процессов оказались противоположными, что и предопределило их соперничество.

Для Катара достаточным казался приход к власти в странах Арабской весны подконтрольных эмиру Хамаду умеренно-исламистских правительств, продвигающих катарские интересы в ущерб национальным. Катар в этом

случае выступал уполномоченным США, своеобразным региональным подразделением госдепартамента по управлению процессами Арабской весны.

Цели Саудовской Аравии были гораздо масштабнее — ей требовалось полное переформатирование региона, включая и ликвидацию искусственных постколониальных границ. Для этого требовался не просто хаос, а хаос, носящий вненациональный характер, противоположный национальным интересам государств, попавшим в водоворот Весны.

Салафиты стали ударной силой Королевства. Их космополитичная идеология, отвергающая само понятие национальности, стала инструментом Саудовской Аравии. Джихад был возведен в ранг военной доктрины.

Саудовская Аравия сумела к концу 12 года переломить ситуацию в свою пользу в Тунисе и Ливии. Поддержав военную хунту Египта в июле 13 года, отвоевала у «братьев-мусульман» ключевую страну арабского мира

Египет. К этому моменту Катар окончательно осознал бесперспективность продолжения текущей борьбы и был вынужден пойти на весьма неожиданный ход — уход эмира Хамада ат-Тани и передачу им власти своему сыну Тамиму. Поначалу отставка эмира Хамада казалась поражением Катара, но немного позже стало ясно, что она подчиняется строгой логике поворота американской политики в регионе.

С самого начала Арабской весны Саудовская Аравия была поставлена в тупиковую для себя ситуацию — победа «братьев-мусульман» означала победу Катара и его выход в лидеры арабского мира. Однако поражение «братьев» тоже не принесло Саудовской Аравии значимой пользы. Теперь она столкнулась с гораздо более серьёзным врагом — Ираном. Ставка Обамы на прекращение конфронтации с аятоллами отразилось крайне болезненно на отношениях США с Саудовской Аравией (и попутно Израилем), и вынудила Королевство в срочном порядке искать своё место в возникающем новом региональном порядке.

Тем не менее египетскую партию Саудовская Аравия формально выиграла. Но только формально. Египетские генералы извлекли свои собственные уроки из революции 11 года. Теперь они не намерены ставить только на одного союзника. Предательство США чуть было не привело их к окончательной утрате власти, и повторять свою ошибку с Саудовской Аравией они не будут.

Не отказываясь от сотрудничества с Королевством, генералы пошли ему навстречу, обострив свои отношения с Турцией, повели ожесточенную борьбу с «братьями-мусульманами», вступив в блок с салафитами из партии «Ан-Нур». При этом генерал Сиси тут же сыграл в свою собственную игру, пригласив в Египет Россию. Визит в Каир осенью 13 года сразу двух российских министров — обороны и иностранных дел — подчеркнул, насколько серьезно Россию заинтересовала перспектива укрепления своих позиций в регионе. Мало того — Саудовская Аравия не только смирилась с таким положением дел, но и гарантировала оплату египетских контрактов с Россией, что вообще выглядит блестящим ходом со стороны Сиси.

Вполне возможно, что летний приезд саудовского принца Бандара бин Султана в Москву был вызван необходимостью согласования политики России и Саудовской Аравии в Египте. Эта поездка окутана покровом тайны, уже поэтому догадываться о её содержании можно лишь по внешним признакам, которые последовали за ней.

Вторым самостоятельным шагом хунты стало дезавуирование поддержки Египтом мятежников в Сирии. Мурси под конец своего правления был готов втравить Египет уже на официальном уровне в сирийскую войну, но генералы заняли жестко нейтральную и даже в чем-то сочувственную Асаду позицию.

Понятна нервная реакция Обамы, который совершенно не ожидал такого развития событий. Тем не менее в силу массы обстоятельств практически непреодолимой силы ему пришлось проглотить это серьёзное политическое поражение. Оно, конечно, носит характер тактического значения в той игре, которую ведет американская администрация, но поражение остаётся поражением. Хребет

верблюду ломают маленькие соломинки, и хотя до этого ещё далеко, каждая из них в какой-то момент может оказаться последней.

На сегодня египетская номенклатура и военная верхушка практически полностью овладели ситуацией и контролируют её. Несмотря на то, что проблемы страны выглядят гораздо серьезнее тех, которые и привели страну к революции, несмотря на хаос и вполне реальную социальную катастрофу, «новые старые» египетские власти наращивают пределы своей прочности. Страна обеспечена относительно дешевым зерном до конца весны следующего года, финансовое положение страны благодаря мощной поддержке Саудовской Аравии, Кувейта и ОАЭ выглядит вполне прочным, туристический бизнес восстанавливается, экономика постепенно выходит на дореволюционный уровень. В следующем году произойдут важные политические события — будет проведен референдум по конституции, должны быть проведены парламентские, местные и президентские выборы. Окончание кризиса вполне реально, далее начнется работа по выходу из него.

Террористические акты и деятельность ушедших в подполье «братьев-мусульман» не носят характера, угрожающего стабильности страны. Поражение в июле привело к расколу движения. Часть его деполитизировалось, часть — перешло в подполье, часть — ведет соглашательскую политику, пытаясь встроиться в новую политическую реальность, пусть и на второстепенных ролях. Репрессии против лидеров движения носят во многом вынужденный характер — но генералы поступают так строго в рамках логики контрреволюционного переворота, когда революционные вожди должны полностью исчезнуть с политической арены. Смертные приговоры не выглядят неминуемым итогом арестов и судов над лидерами движения, но не исключены. Месть в данном случае не играет никакой роли — во всяком случае, она не обязательна.

Правда, смертный приговор бывшему президенту Мурси, в случае, если он все-таки будет вынесен, будет выглядеть именно местью египетской номенклатуры. Однако как победитель, она в своём праве, римское «Горе побеждённым» никто не отменял.

Россия может получить в лице постреволюционного Египта если не союзника, то очень важного партнёра. Египетские генералы — прагматики. Верить им, безусловно, не стоит, но теперь они вынуждены проводить многовекторную политику хотя бы потому, что только она способна обеспечить сохранение их власти. От России такая ситуация потребует весьма нетривиальных подходов и профессиональных действий дипломатов, военных, финансистов и бизнесменов. Они должны будут выстраивать новый баланс сил в Египте между Саудовской Аравией, США, Израилем и Россией. Однако шанс на возвращение в главную страну арабского мира слишком велик, чтобы упустить его.

Еще одним итогом событий в Египте прошлого года можно назвать пока неявное, но довольно неприятное следствие краха умеренного политического ислама. Радикальный джихадистский ислам получил вполне чёткое понимание того, что путь «соглашательства» ведёт лишь к поражению.

Радикальный ислам на опыте египетских событий по-

лучил прививку от любых переговоров со своими противниками. Теперь вопрос стоит просто — или мы, или они. Как для ваххабитов, так и для их противников. Компромисс исключён.

В свое время генерал Лебедь произнес фразу про двух пернатых, которым в одной берлоге не ужиться. Применительно к ваххабитам его фразу можно выбить в бронзе и отлить в граните.

Сирия

Уходящий 2013 год начинался для Сирии выбором из двух вариантов окончания войны, и оба «были хуже». Накопив к ноябрю 2012 года только под Дамаском группировку в 15-20 тысяч боевиков, захватив север страны и продвигаясь по течению Евфрата к иракской границе, оппозиция и джихадисты с полным основанием рассчитывали на то, что следующий, 13 год, станет для них годом триумфа. Единственной слабой альтернативой такому сценарию было отступление Асада в алавитский анклав на побережье — однако это лишь отсрочило бы неизбежное.

Катастрофическим просчетом правительства и военных в 12 году стала стратегия на удержание территорий. Это привело к «размазыванию» армии по стране, а постоянно перерезаемые боевиками коммуникации не давали ни малейшей возможности перебрасывать резервы, оперативно реагировать на изменение обстановки, снабжать армию и население. Продолжение такой стратегии вело к пораже-

нию.

К концу осени 2012 года военное командование Сирийской армии приняло единственно верное в такой ситуации решение: отказаться от провальной стратегии, заменив её на иную, которая вела к затягиванию войны, но давала шанс не проиграть. Задачей армии стало истребление масс боевиков в количествах, превышающих их пополнение извне. Школьное упражнение про бассейн и две трубы, вот только от правильного ответа на вопрос зависела судьба целой страны.

Начавшееся в ноябре 2012 года контрнаступление армии под Дамаском имело целью перемалывание в городских боях живой силы противника с минимальными потерями для своего личного состава. Пригороды 5-миллионного Дамаска превращались в Сталинград и безлюдье — но это была плата за предыдущие просчеты и недооценку ситуации.

Первые полгода реализации такой стратегии видимо-

го результата не приносили, однако уже в первые месяцы стало очевидно, что она выбрана верно. Ежедневные потери боевиков резко возросли до 3-4 сот человек по всей стране, в отдельные дни доходя чуть ли не до тысячи убитых и раненых. Немедленно в пользу армии стала работать плохая организация полупартизанских-полубандитских противостоящих ей группировок. Если раненые в бою военные в течение получаса оказывались на хирургическом столе, то слабая работа практически отсутствующих тыловых структур боевиков не оставляла шансов на выживание их раненым. Классическое соотношение убитых и раненых 1:3 для противников Асада было резко сдвинуто в сторону погибших.

Тем же самым можно объяснить слабую поддержку боевиков бронетехникой и артиллерией. Даже захватывая тяжелое вооружение, они не могли наладить бесперебойное снабжение, ремонт, поставку запасных частей и топлива, организовать взаимодействие с пехотой. Фактически большинство захваченной тяжелой техники использовалось «одноразово»: до первой поломки, истощения боеза-

паса или топлива.

Есть правило: воюют не люди и техника, воюют организационные структуры. Переведя войну в затяжную фазу, правительство сознательно пошло на обескровливание страны, однако сумело переломить ситуацию приблизительно к середине 13 года именно за счет лучшей организации и возможностей государственных и военных структур.

Спонсоры боевиков с самого начала видели эту ключевую проблему, чем и можно объяснить постоянные попытки создать единое военное командование оппозиции, переводя противостояние в плоскость организованной борьбы. Однако эту задачу так и не удалось решить, несмотря на обильное финансирование, поставку оружия, боевой техники, а главное — людских ресурсов, собираемых со всего Ближнего Востока. В 13 году появилась новая и во многом угрожающая тенденция — в рядах боевиков всё чаще стали встречаться наёмники из неарабских стран. Европа, Средняя Азия, Россия, Синзцян-Уйгурский автономный район, даже экзотическая Австралия стали постав-

щиками живой силы противников Асада, окончательно переводя конфликт из подобия гражданского в прямую интервенцию более чем 40 стран.

Такая трансформация не могла не затронуть сам характер сирийской войны. К середине 13 года он приобрел отчетливо вид джихада, так как никакая иная идея уже не объединяла разноплеменный и разношёрстный сброд половины мира. Запад, рассчитывая на скорую победу оппозиции, не сумел сломить сопротивление властей Сирии, и неизбежно столкнулся с неприемлемой для себя ситуацией выбора между поддержкой откровенных террористов и прекращением войны с ненавистным ему режимом Асада.

Такое развитие событий ещё в начале года прогнозировали российские дипломаты самого высокого уровня и политическое руководство России. Отдавая отчет в чрезвычайной опасности для нашей страны получить у своих границ колоссальный по своим потенциальным возможностям террористический анклав, дополнительно сопряженной с рисками, которые еще предстоят после вероятного вывода

войск НАТО из Афганистана, российское руководство жестко отстаивало право сирийского правительства на вооруженную защиту от интервенции, не давая институционализировать конфликт резолюциями Совета безопасности ООН. Опыт Ливии доказал, что агрессоры готовы использовать любую правовую зацепку для окончательного решения своих задач.

Упорство сирийского правительства и перелом в войне привели к тому, что к августу 13 года стало очевидно: угроза военного поражения ликвидирована. Говорить о победе рано даже сейчас, однако Запад осознал, что добиться требуемых результатов военным путем уже невозможно. На повестку дня встало дипломатическое урегулирование и фиксация результатов войны.

Проблема Запада и США в первую очередь заключалась в том, что предыдущая стратегия, опирающаяся на поддержку умеренных исламистов, как силу, способную перебалансировать существующие расклады в регионе, оказалась провальной. Поражение «братьев-мусульман» в

Египте, Тунисе, Ливии, резкое обострение внутривосточной политической ситуации в Турции, а главное — радикализация исламистских группировок и резко возросшие боевые возможности террористических организаций, идейно и организационно близких к «Аль-Кайеде», привели к тому, что свой новый президентский срок президент США Обама был вынужден начинать с полного пересмотра всей ближневосточной политики. Практически сразу же после убийства в Бенгази посла США Стивенсона на повестку встал вопрос о нормализации отношений с Ираном и передача ему полномочий на умиротворение региона.

Динамично усложняющаяся для Соединенных Штатов обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе требует от США вывода своих сил из Ближнего Востока и высвобождения их для начала долгой и сложной глобальной игры, направленной против Китая. В этом смысле бесконечное затягивание присутствия Америки в регионе обращается против неё самой.

Однако уход Соединенных Штатов с Ближнего Вос-

тока поставил перед её союзниками, и в первую очередь аравийскими монархиями, проблему гарантирования собственной безопасности, которая ранее обеспечивалась военным присутствием США. Передача полномочий «смотрящего за регионом» Ирану вызвала вполне прогнозируемое противодействие монархов Залива, правых кругов Израиля и стоящих за ними элитных группировок Америки и Европы.

Пиком противодействия стала провокация с применением химического оружия в Восточной Гуте в конце августа. Строго говоря, документально установленными теперь считаются 5 химических атак, причем Запад всячески препятствовал расследованию всех обстоятельств этих атак и в первую очередь — тех, кто ответственен за них. Обама весьма неосторожно и сугубо в медийных целях заявлял о недопустимости применения химического оружия правительством Сирии, называя его «красной чертой», за которой США вмешаются в конфликт даже без формального разрешения Совета безопасности. Именно эти неосторожные заявления и были использованы провокаторами, вне-

запно поставивших Обаму перед необходимостью прямого участия в войне.

Излишне говорить, что вмешательство США в войну поставило бы крест на любых переговорах с Ираном, где к тому времени к власти пришел реформатор Роухани, немедленно предпринявший шаги по сближению позиций с США. Противодействие его политике со стороны ультраконсервативных группировок иранской элиты не позволило бы ему продолжать попытки урегулирования отношений с Америкой после её военного вмешательства в сирийскую войну.

Еще одной опасностью военного удара по Сирии стала потенциальная угроза прямого столкновения с российским военным флотом, собравшим возле побережья Сирии серьёзную ударную группировку. Формально Россия не намеревалась вмешиваться в действия США, однако непредсказуемое развитие обстановки могло вылиться в полноценный конфликт. Израильтяне, сознательно проведя учебный пуск ракет в зоне сосредоточения флотов США и Рос-

сии, показали, что провокации возможны и способны перевести противостояние в любую по степени «нагретости» фазу.

Кризис был ликвидирован инициативой России, которая сумела в кратчайшие сроки выдвинуть предложение по ликвидации химического арсенала Сирии. Этот выход из щекотливой ситуации с видимым облегчением был воспринят американской администрацией, которая довольно жестко со своей стороны пресекла попытки своего произраильского и просаудовского лобби ему воспрепятствовать.

Тем не менее провокация в Восточной Гуте перевела противостояние Обамы и его противников в американской и ближневосточных элитах на более высокий уровень. Началась и по-прежнему продолжается беспрецедентная кампания в американских СМИ по оказанию давления на Обаму, а критика его действий зачастую выглядит жестче, чем аналогичная критика российских либеральных СМИ во время «болотных» событий. Не желая давать своим противникам инициативу, американская администрация фор-

сировала заключение женевских соглашений по тупиковой ранее иранской ядерной проблеме, а также сделала всё возможное, чтобы конференция по мирному урегулированию в Сирии перешла в практическую плоскость. В этом смысле действия администрации США и России можно назвать совпадающими по всем ключевым параметрам.

Вооружённый конфликт в Сирии далёк от завершения. Даже если конференция в Женеве пройдет успешно и закончится подписанием документов, которые Россия предлагает зафиксировать специальным решением Совета безопасности ООН, скорее всего, на саму войну это мало повлияет. Джихадисты, завоевав прочные позиции в суннитском регионе Ирака и Сирии, уже де-факто создали мощный анклав на севере и востоке Сирии, на западе и юге Ирака.

Дальнейшее развитие событий может идти по двум наиболее вероятным сценариям. По первому из них будет продолжена ожесточенная война с джихадистами, однако теперь право Сирии на свою территориальную це-

лостность будет подтверждено итогами международной конференции, а международная легитимация сирийской власти будет проведена через создание коалиционного правительства и проведение в 14 году выборов президента. Возможно, будут проведены и парламентские выборы. В этом случае Иран и Ирак при поддержке России окажут всю возможную военную и техническую помощь Сирии для ликвидации этого анклава.

Второй вариант — Аль-Кайеда пойдет на переговоры и выторгует для себя фиксирование сложившейся военной обстановки, получив право на создание жесткого фундаментального государственного образования на суннитских территориях Ирака и Сирии. При всей неправдоподобности такого сценария, он имеет право на существование: Сирия обескровлена, Иран только начнет получать первые дивиденды от снятия санкций, обстановка в Ираке сегодня мало чем отличается от сирийской, разве что не освещается столь подробно, как в Сирии.

Аль-Кайеда тоже серьезно истощена и нуждается в

передышке, получении помощи от «партии войны» Саудовской Аравии, но главное — значительная часть джихадистов в следующем году предсказуемо будет переброшена в Афганистан, где возможный вывод войск НАТО может поставить на повестку дня резкое усиление борьбы «Талибана» с правительством Хамида Карзая.

Кроме того, джихадистские формирования переживают сейчас стадию переформатирования из полупартизанской и не слишком организованной массы в относительно структурированные полуармейские группировки. Пока говорить о единой армии джихада очень рано, но такой процесс тоже идёт. Это требует определённых усилий по организации управления и перегруппировке сил боевиков.

Не исключено, что для обеих сторон конфликта передышка может стать желательной. Если это произойдёт, на какое-то время военный конфликт в Сирии перейдет в контртеррористическую операцию по зачистке свободной от джихадистов территории и пограничным стычкам на линии соприкосновения Аль-Кайеды и правительственных

сил — причём это справедливо даже в случае создания коалиционного правительства по итогам конференции в Женеве..

Естественно, такое решение станет временным и паллиативным. Вторая война в этом случае станет неизбежной, что вновь возвратит ситуацию к первому варианту развития событий. Однако продолжительность передышки прогнозировать невозможно — полгода, год или несколько лет.

Предварительно можно сказать, что нынешний год можно считать успешным для правительства Сирии. Несмотря на тяжелейшие потери для экономики, жилого фонда, промышленного потенциала, утрату части территорий, исход беженцев, Сирия выстояла. Она сумела избежать распада и совершенно неизбежного геноцида с новой волной миллионов беженцев. Для региона Ближнего Востока и окружающих его стран в целом развитие обстановки тоже можно считать благоприятным. Опасность масштабной гуманитарной катастрофы, распространяющейся по нараста-

ющей вокруг Сирии, можно считать в целом ликвидированной. Безусловно, для определенных кругов и сил такой ход войны можно назвать поражением, и они вряд ли примут его безропотно.

Наступающий 14 год начинается не только с иной, чем год назад, стратегической ситуации. Произошли качественные изменения в войне. Разношёрстные боевые отряды противников президента Асада постепенно уступают место единой боевой структуре джихада. Это еще не армия, но в организационном плане крупнейшие боевые группировки прошли значительный путь, во многом решив проблемы, отличающие их от противостоящей им военной машине Сирийской арабской армии. У боевиков появилась вполне сносная система тылового обеспечения, отработано снабжение, эвакуация, работают мобилизационные структуры. При этом очень серьезно работают и идеологические структуры.

Если год назад сирийцы наполняли наименее организованные группы боевиков, а основной ударной силой

были джихадисты из разных стран Ближнего Востока, теперь ситуация меняется. На занятых территориях Сирии проводятся мобилизационные мероприятия, идет тотальная идеологическая обработка, все больше боевиков набирается прямо на месте.

При этом занятые джихадистами территории продолжают оставаться разделёнными между зачастую враждующими группировками. По большей части эти территории нещадно эксплуатируются боевиками, которые «присасываются» к какой-либо кормушке — нефтепромыслам, узловому транспортному перекрестку, еще работающим предприятиям и «крышуют» их, извлекая доход. Это и является весьма серьёзной проблемой во взаимоотношениях между различными боевым отрядами и формированиями, ведущими между собой отчаянную борьбу, как обычные гангстерские банды Чикаго. Тем не менее, играть на этих противоречиях практически невозможно — боевики способны объединяться против правительственных сил и вести скоординированные действия, причём в 13 году существенно возрос и уровень боевого планирования.

Трансформация партизанских террористических группировок в полуармейские формирования даёт им как преимущества, так и ставит перед ними новую проблему. Будучи партизанской сетевой структурой, боевики могли воевать, используя сильные стороны партизанской тактики. Став прото-армией, они вынуждены все чаще вести общевойсковые сражения, в которых джихадисты выглядят слабее правительственных сил, получившие за полтора года тяжелейших сражений колоссальный опыт, имеющие лучшее вооружение и полное господство в воздухе.

Тем не менее, война в Сирии далека от окончания. Точнее, она имеет шанс на завершение лишь на её части. В 13 году появился ещё один фактор интернационализации конфликта. По сути, сегодня война ведётся как на территории Сирии, так и на территории трёх провинций Ирака, представляя из себя единый театр боевых действий.

В таких условиях неизбежна координация действий сирийского, иракского правительств и администрации иракского Курдистана. Трудно сказать, будет ли создано не-

кое единое или объединённое командование, либо это будет борьба союзников, ведущих самостоятельные боевые действия при взаимной координации — но в 14 году, скорее всего, тенденция на ведение трансграничных боевых действий сохранится и усилится, что в конечном итоге выльется в создание враждебного четырех странам «шиитской оси» - Ливану, Сирии, Ираку и Ирану - суннитского салафитского анклава на территории Ирака и Сирии.

Этот сценарий изначально планировался Саудовской Аравией, рассматривавшей такой анклав в качестве буферной территории, ограждающей Саудовскую Аравию от стран «шиитской оси» и делающей прямое вторжение армий этих стран в Королевство невозможным.

Борьба за этот анклав должна стать центральной в наступающем году в этом регионе Ближнего Востока, вопрос лишь в её продолжительности и степени ожесточения.

Иран

2013 год для Ближнего Востока, вне всякого сомнения, можно назвать годом Ирана. Несмотря на то, что в регионе продолжала бушевать Арабская весна, война в Сирии, продолжались тяжелейшие дезинтеграционные процессы в Ливии, Йемене, Иран по праву вышел на первое место по значению масштабной глобальной игры вокруг него и его ядерной программы.

Чтобы понять смысл игры, нужно вернуться на некоторое время назад. Иран еще в 1979 году стал недвусмысленным сигналом для всего исламского мира — вестернизация этой уникальной цивилизации под вывеской модернизации привела к тяжелейшим внутренним напряжениям и перекосам. Стремительно идущие процессы, на которые Европе потребовались столетия, неизбежно вызвали отторжение на ментальном уровне, а попытка сменить культурные коды и мотивацию жизни привела в конечном итоге к взрыву и откату назад — к цивилизационным истокам.

Однако арабские правители и диктаторы равнодушно восприняли вполне очевидную угрозу и продолжили свои социальные и экономические эксперименты. В итоге после начала Арабской весны большинство арабских стран столкнулись с необходимостью пересмотра стратегии модернизации и начали мучительно искать баланс между необходимостью её продолжения и ментальными особенностями ислама как образа жизни.

В этом смысле Иран немедленно превратился из изгоя исламского мира в его лидера — пока неявного и во многом потенциального. Он сумел за три десятилетия, прошедшие после революции 79 года, пройти этот путь, и совместил две крайне непростые задачи, найдя свой особенный путь решения весьма нетривиальной задачи. Однако жесткое противостояние с Западом и США в первую очередь делало его лидерство весьма виртуальным.

Именно это выведенное за скобки положение Ирана заставляло относиться к нему со стороны Саудовской Аравии и Израиля с максимальной серьёзностью. Их положе-

ние в регионе целиком и полностью зависело от конфронтации Ирана с США, и немедленно менялось при любом изменении этого конфликта.

Арабская весна 11 года предоставила аравийским монархиям уникальный шанс занять особое положение в регионе после краха практически всех светских проектов. Борьба между Катаром и Саудовской Аравией за влияние на Ближнем Востоке была сугубо семейным делом, никак не влияющая на положение их главного противника — Ирана. Однако даже в своем стесненном положении исламская республика сумела навязать монархиям с их бесконечными финансовыми ресурсами тяжелейшую борьбу в Сирии. Иран доказал, что его мощь даже под «калечащими» санкциями Евросоюза и США вполне сопоставима с объединенными ресурсами «аравийской четверки». Из всех аравийских монархий только Оман и Бахрейн исключили себя из борьбы. Первый — по внутренним идеологическим соображениям, второй — по причине собственной Шиитской весны.

Однако в этот тихий семейный спор вмешались внешние интересы и игроки. Политика Обамы еще с начала его первого срока подчинялась крайне важной задаче. Соединенные Штаты, понимая угрозу, исходящую из Азиатско-Тихоокеанского региона, оказались совершенно неготовыми к её парированию. Застрявшая в Ираке и Афганистане американская армия была исключена из политики и не представляла угрозу. Вывод войск стал неизбежен, однако был невозможен без создания принципиально иной конфигурации пространства региона. Нужен был либо тотальный хаос, либо «смотрящий» за регионом, которым можно было бы управлять дистанционно, как беспилотником.

На первом этапе выбор умеренного ислама в качестве «смотрящего» казался не просто оправданным, но и очень логичным. Идеологически Обаму, как разносчика идей демократии и прав человека, эдакого нео-троцкиста, вполне устраивали умеренные исламисты с их идеями исламской демократии, вменяемой позиции по отношению к модернизации, гибкости по отношению к вопросу о «осовременивании» ислама. При этом решались проблемы межпартийной

борьбы в самих Соединенных Штатах. Регион Ближнего Востока из вотчины республиканцев превращался в более сбалансированную конструкцию из их ставленников и опоры демократов в лице «братьев-мусульман». Наконец, зажатый в угол санкциями Иран объективно исключался из Большой игры и не мог влиять на процессы, запущенные Весной в регионе.

Тем не менее, политический умеренный ислам потерпел крах во всех странах Арабской весны. Почему — это тема отдельного разговора, и вполне возможно, что непростого и небыстрого. Пока можно лишь констатировать, что политика Обамы осенью 12 года окончательно зашла в тупик. Это было не просто обидно, но и опасно в связи с выборами. Обама нужно было срочно представить новый план, гарантирующий решение главной задачи, для которой, собственно, он и пришел в Белый дом. Убедить не только электорат, но и американскую элиту в своей дееспособности.

Иран стал палочкой-выручалочкой Обамы. Именно

на Иран теперь были направлены все усилия администрации США, а персонажи, назначенные им на внешнеполитическое направление — госсекретарь, министр обороны и руководитель ЦРУ лучше всего демонстрировали направление новой политики. Все они специалисты по Ближнему Востоку, все имеют личные и неформальные связи в регионе и все отмечены более чем лояльным отношением к режиму аятолл по меркам американского истеблишмента. Начался новый тур, в котором поначалу важное место занимали знаки и намеки.

Уже в конце 12 года администрация США начала подавать сигналы о возможности изменения своего отношения к Ирану, предлагая продвинуться в переговорах по ядерной проблеме Ирана с позиции «новых инициатив». Соединенные Штаты довольно радикально подошли к риторике по поводу сирийского конфликта, серьезно изменив подходы в отношении к сирийским боевикам. Если ранее вопросы помощи им решались по нарастающей, и почти ни у кого не вызвало сомнений, что помощь оружием и техникой — лишь вопрос времени, а на повестку дня может быть

поставлена чуть ли не бесполетная зона, что подкреплялось поставками в Турцию средств ПВО, то к началу 13 года ситуация внезапно начала меняться. Соединенные Штаты начали выражать беспокойство радикализацией сирийской оппозиции, засильем в ее рядах эмиссаров Аль-Кайеды, а затем и вообще западные СМИ начали ставить знак равенства между сирийской оппозицией и этим знаковым пугалом.

Весной тринадцатого основным лейтмотивом комментариев СМИ и экспертов на сирийскую тему становится мучительный выбор, который предстоит делать Соединенным Штатам между борьбой с «нелегитимным и кровавым режимом Асада» и террористами Аль-Кайеды. Однако главная игра администрации развернулась вокруг Ирана.

С одной стороны, аятоллам делались уже откровенно недвусмысленные намеки о возможности потепления отношений и изменения позиции США на переговорах по ядерной проблеме Ирана. С другой стороны началась совершенно неприкрытая подготовка левацкой радикальной тер-

рористической группировки «Моджахеддин-е-Хальк» к вторжению в Иран, синхронизированной с президентскими выборами. Призрак «Зелёной революции 2.0» был слишком очевиден и откровенен. Эвакуация семей боевиков «Моджахеддин-е-Хальк» из Ирака в Испанию перед выборами в Иране стала последним предупреждением иранской элите.

Хаменеи намек понял, и на выборах в Иране сокрушительно выиграл реформатор Роухани, опередив консервативных и вполне проходных кандидатов из противоположного лагеря уже в первом туре. При этом интрига повосточному сохранялась до последнего для предвыборной кампании, и только перед самым голосованием чаша весов склонилась в пользу нынешнего президента. Повторения «Зеленой революции» 2009 года не произошло, а новый президент практически с места взял небывалый темп, ставя своих противников внутри страны перед фактом принятия немыслимых ранее решений.

Время знаков и намёков закончилось, и буквально за

полгода после выборов были приняты ключевые решения по иранской ядерной программе, открывающие перед Ираном перспективы снятия санкций, распечатывая для него регион Ближнего Востока и превращая его виртуальные возможности во вполне реальные.

Однако не всё так просто и хорошо, и руководство Ирана отдает себе отчет в том, для чего оно вдруг понадобилось Обаме. Цена за «потепление» отношений с Западом крайне высока. Теперь на Иран возложена ответственность за ликвидацию салафитского интернационала, сконцентрированного на суннитских территориях Ирака и Сирии. Численность этого мощнейшего конгломерата в 100 тысяч человек и накопленный в ходе Арабской весны мобилизационный потенциал минимум в полмиллиона потенциальных джихадистов представляет из себя серьезнейшую угрозу стабильности не только Ближнего Востока.

Иран теперь будет вынужден гарантировать безопасность Афганистана и стать опорой режима Хамида Карзая после вывода войск НАТО (если, конечно, он состоится).

Иран должен будет ликвидировать угрозу, исходящую из Саудовской Аравии, которая внезапно оказалась перед фактом предательства со стороны своего важнейшего союзника. Наконец, перед Ираном стоит крайне непростая задача недопущения конфликта с Израилем, который крайне обеспокоен наращиванием мощи своего противника и способен на неожиданные ходы.

Вполне реальная демократия, существующая в Иране, а также наличие очень мощной консервативной оппозиционной Роухани группы видных политиков и клириков не даёт ему шанса на ошибку. Малейший провал будет означать для него политическую смерть, особенно учитывая явные знаки внимания Рахбара противникам нынешнего президента.

Провокация в Восточной Гуте в конце августа 13 года помимо задач срыва договоренностей между США и Ираном несёт в себе предупреждение о возможностях тактического союза между «брошенными» своим патроном Израилем и Саудовской Аравией. Королевство, обеспокоенное

складывающейся ситуацией, стремительно создаёт военно-политический союз шести аравийских монархий в качестве ответа на угрозу усиления Ирана. Арабская весна из социально-экономического взрыва обездоленных народных масс переходит в фазу блокового противостояния, что выглядит гораздо опаснее и серьёзнее.

Противоречия между Ираном и Саудовской Аравии кажутся неразрешимыми, хотя среди саудовской элиты уже обозначились группировки, готовые воспринять сложившуюся ситуацию и предложить иной, чем конфронтационный, путь взаимодействия. Тем не менее пока вероятность столкновения между Ираном и Саудовской Аравией не снята. Естественно, в современном мире прямая агрессия и война практически исключены, однако накоплен богатый опыт косвенного обрушения противника. Саудовская Аравия в этом смысле выглядит крайне уязвимой — по ее периметру имеются точки напряжённости и линии разлома, на которых Иран способен с успехом провести ряд крайне болезненных операций, итогом которых может стать распад Королевства. Дополнительным источником нестабиль-

ности Саудовской Аравии является нерешенная проблема передачи власти между поколениями,

Так или иначе, но 13 год стал для Ирана годом потенциальных возможностей. Новый президент Республики с успехом разобрался с ранее неразрешимыми проблемами, но далее перед ним стоит куда как непростая задача. Иран должен пройти по узкой дорожке, с одной стороны которой интересы мирного развития страны, с другой — интересы США, ради которых его и «освободили» от изоляции. Нужно найти такой путь, который устроит и сам Иран, и выполнит хотя бы часть негласных договоренностей с Обамой. Как это сделать — вопрос непростой. Еще более непростым выглядит умиротворение взбаламученного региона и объединение его новой идеей исламской модернизации.

Россия в этом конгломерате проблем выглядит серьезным стабилизирующим фактором, который может позволить Ирану решить непростые задачи, используя независимый от США источник силы. Интерес Ирана к надгосу-

дарственным структурам, которые формируются на пространстве Евразии, очевиден — ему нужна опора в быстроменяющейся обстановке. Россия, создав с Ираном стратегический региональный союз, получит партнера с мощной экономикой, перспективами и лидерским положением в исключительно важном регионе.

Другой вопрос, что этот союз должен стать равноправным, и для этого нам нужно обезопасить себя от имперских устремлений иранского руководства. Головокружение от успехов — известная проблема, а успехи Ирана могут в какой-то мере позволить его элите рассматривать своих союзников как инструменты иранской политики. От России зависит — будем ли мы ее субъектом или станем объектом персидского ренессанса. Вопрос пока носит открытый характер.

Саудовская Аравия и Аравийский полуостров

2013 год для Саудовской Аравии выглядит весьма неоднозначным. Бесконечную войну в Сирии нельзя назвать разочарованием для Королевства — как раз для арабов такой способ ведения войн на изматывание противника более характерен, чем европейский блицкриг. Для араба даже проигранная война не повод для беспокойства, волшебная формула «Иншалла!» с успехом отвечает на все вопросы. В конце концов сама Саудовская Аравия возникла лишь с третьей попытки, ей спешить некуда.

У Королевства по большому счету существует лишь две ключевые проблемы — модернизация и безопасность. С остальными оно вполне успешно справляется, а где не справляется само, там работают его бесконечные деньги.

Модернизацию тормозит идеология, позволившая произвести сборку крупнейшего аравийского государства,

а потому являющаяся базовой основой его существования.

Ваххабизм, будучи крайне ортодоксальным и фундаментальным учением, предельно негативно относится ко всем новшествам в любой сфере жизни. Заидеологизированная теократия, каковой является до сих пор Саудовская Аравия, управляется и секулярной, и религиозной властями. Хотя король является одновременно светским и духовным лидером Королевства, власть потомков Мохаммеда Абд аль Ваххаба — семейства Аш Шейх — чрезвычайно велика.

Еще основатель нынешней версии Саудовской Аравии первый король Абдель Азиз аль Сауд вступил в конфликт с истово верущими фанатиками-ихванами, бывшими его ударной силой. Ихваны требовали распространения единственно верного учения за пределы Аравийского полуострова, что неминуемо вело Королевство к катастрофе. Не без труда победив их, прагматичный Абдель Азиз стал смещать баланс между религиозной и секулярной властью в пользу последней. Этот процесс продолжается постоянно

в течение всего времени существования государства династии Аль Саудов, но и по сей день идеологические ограничения существенно тормозят модернизацию страны.

Практически все сферы жизни пронизаны вниманием и заботой муфтиев-ваххабитов, от недопущения выдачи водительских прав женщинам до такой весьма серьезной отрасли, как образование. Не желая идти на конфликт, светская власть организовала обучение своей молодежи за рубежом. Жизнь заставляет, и нужны специалисты не только в точном цитировании Священного писания. Однако и здесь возникает проблема — проучившись в Европе-Америке, саудовские молодые люди приобретают помимо багажа знаний и неприемлемые для ортодоксального правоверного привычки. Несут их в страну и приобщают к ним других.

Хочешь-не хочешь, но скрепя зубы, приходится открывать и свои собственные светские университеты. Борьба за умы ведется постоянно, и буквально недавно король Абдалла назначил нового министра образования,

перед которым поставлена задача качественно изменить подходы ко всей системе обучения и найти приемлемый баланс между необходимыми стране знаниями и благообразием.

Проблемами образования вопросы модернизации не исчерпываются, однако они являются хорошим маркером, по которому можно судить об успехах модернизационных процессов в Саудовской Аравии. Страна и без того находится в тяжелейших климатических условиях, которые создают трудности для строительства современной экономики, а руководство страны должно закладывать основы нормальной жизни и в постнефтяную эру. Поэтому создание современной успешной ненефтяной промышленности для династии — это вопрос её выживания в будущем. Без собственных кадров эта задача неразрешима. Пример Ливии, которая так и не сумела реализовать свою ядерную программу, опираясь только на иностранные кадры, более чем показателен. Саудовская Аравия не хочет его повторять.

В 13 году была решена внешне незначительная, но

весьма важная задача переноса выходных с четверга-пятницы на пятницу-субботу. Казалось бы мелочь, но тем самым Саудовская Аравия синхронизировала свою рабочую неделю с экономическими партнерами и избавилась от огромных убытков, связанных с несовпадением рабочего времени со своими соседями. Борьба с религиозными лидерами велась чуть ли не десятилетия за такую мелочь, и стоила невероятных денежных потерь для страны. И таких мелких и незначительных на первый взгляд проблем перед Королевством хоть пруд пруди.

Тем не менее, это всё перспектива. Текущая экономическая ситуация в Саудовской Аравии практически целиком зависит от нефти. Королевство с выгодой для себя использовало санкции, наложенные США и Европой на Иран, практически полностью заместив его квоты своей нефтью. Для саудовских масштабов это, конечно, была мелочь, но приятная. Приятная вдвойне, так как создавала проблемы главному противнику в регионе.

Сейчас женеvские соглашения «распечатали»

иранские планы, и на последнем заседании ОПЕК иранский министр нефти если не взорвал ситуацию, то заставил ее серьёзно напрячься заявлением о том, что его страна доведет в перспективе добычу нефти до 4 млн баррелей в сутки, даже если это приведет к падению цены до 20 долларов. Все понимают, что это во многом блеф, однако есть нюанс. Иранская стратегия торговли нефтью традиционно тяготеет к максимизации объёмов торговли, в то время как саудовская — к максимизации маржи. Непростой баланс между этими стратегиями создаётся на заседаниях ОПЕК.

Иран и Ирак уже озвучили свои планы довести суммарные мощности по добыче нефти до умопомрачительных 12 млн баррелей в сутки к 2020 году. Большую часть этих баррелей анонсирует Ирак, и его планы выглядят не слишком реалистичными, однако к 20 году в силах Ирана и Ирака довести добычу до суммарной цифры в 7-8 млн баррелей в сутки, причем Иран может решить свою часть задачи в ближайшую пятилетку. В рамках иранской стратегии такая ситуация будет выглядеть вполне приемлемой, в рам-

ках саудовской — катастрофой. По сути, произойдет передел всех соглашений по квотам внутри ОПЕК, и для этого у Саудовской Аравии должны быть мощные позиции, чтобы отбить совместный натиск противников-шиитов.

И вот с позициями в 13 году у Саудовской Аравии стало хуже. Гораздо хуже.

Будучи главным союзником США в арабском мире, Саудовская Аравия выстраивала свою политику безопасности, исходя из «зонтика», которым её прикрывали Соединённые Штаты от любых неожиданностей. Позиция США вполне понятна — будучи крупнейшим импортером нефти, приходится защищать свои интересы на всем протяжении маршрута её доставки.

Интересы США продиктовали еще в 2005 году тогдашнему президенту Бушу поставить задачу снижения зависимости страны от импорта нефти. Задача выполняется — если в 2005 году импорт энергоресурсов обеспечивал 60% потребления, то в 2010 — 45%, а в 2013 — уже около

40%.² В 2011 году США превратились в нетто-экспортера нефтепродуктов. В 2014 году по прогнозам США обойдут Россию по экспорту нефти и отдадут Китаю первое место по импорту.

В таких условиях продолжение стратегии США на прикрытие Саудовской Аравии от «неожиданностей» становится неэффективным, затратным и избыточным. Нормализация отношений с Ираном для США может принести дополнительное снижение издержек по контролю за регионом, что рачительные американцы, умеющие считать свои деньги, и сделали.

Естественно, что прорыв в отношениях с Ираном для США в этом году был обусловлен не только одним этим меркантильным фактором. Столь непростой политико-экономический вопрос был завязан на необходимость переориентирования внимания США на Азиатско-Тихоокеанский регион, и неудачную политику Обамы, связан-

² <http://www.vedomosti.ru/finance/news/17580481/mea-ssha-mogut-sokratit-import-nefti-na-50-k-2020-g>

ную со ставкой на умеренный политический ислам, и необходимость сократить зависимость от произраильского и просаудовского лобби в коридорах власти в Вашингтоне.

Немаловажное место в стратегии США занимает и Россия — допуская Россию на освобождающийся от них регион Ближнего Востока, Соединенные Штаты получают целый веер возможностей. Во-первых, сотрудничество США и России в регионе подразумевает взаимные уступки. Свою уступку Штаты сделали — они позволили России войти в регион без их противодействия. Теперь российская дипломатия должна думать над ответом. Во-вторых, вводя Россию в Ближний Восток, США отвлекают ее ресурсы, силы и возможности на этот весьма разрегулированный регион мира, в котором еще долго будут продолжаться отзвуки катастрофических процессов 11-13 годов. Кроме того, создается новый баланс, в котором будут пытаться найти свое место сразу четыре крупных игрока — Россия, Израиль, Иран и Саудовская Аравия. Вторым эшелонам идут Катар и Турция. Все вместе это создает прекрасную возможность для Соединенных Штатов управлять процес-

сами издалека, играя на неизбежных противоречиях между странами региона.

Для России новая ситуация на Ближнем Востоке, безо всякого сомнения, является серьёзным вызовом. Нужно найти ту политику, которая позволит встроиться в неё, и суметь играть в свою, а не навязанную нам другими субъектами ближневосточной политики игру.

При этом нам нужна не конфронтация с ними, а сотрудничество. В этом смысле грубое продавливание своих интересов может вызвать ответную реакцию и объединению «против нас». К сожалению, многие позиции, которые были завоеваны Советским Союзом в этом регионе, утрачены, и их придется восстанавливать практически заново. Это непросто, а главное — небыстро. Времени же на вдумчивое вращение в ситуацию, как обычно, нет.

Наконец, есть еще один неявный плюс для политики Обамы. Судя по всему, его парадигма выхода из глобального кризиса основана на создании нескольких региональных

валютных зон взамен монополии единой мировой валюты доллара. Прежняя модель себя исчерпала и системный кризис, поразивший её, требует создания новой, более прогрессивной системы монетарного управления. Каждая региональная валютная зона должна опираться на сбалансированный региональный рынок, и в определенной степени российско-казахстанско-белорусский Таможенный союз в перспективе может стать прообразом такого рынка. Франко-германский «Союз угля и стали» в свое время стал основой современного Европейского союза. Мы по сути, идём тем же путём. Однако с нынешним составом участников ТС не выглядит жизнеспособным с точки зрения создания своей собственной региональной валютной системы. Он слишком мал. Включение России в ближневосточные расклады способно в будущем позволить присоединиться к ТС новым участникам и приблизить его к желаемому виду. Намерение Сирии стать участником ТС лежит в русле интересов России и её партнеров по Союзу.

В общем, интересы Соединенных Штатов многогранны, но вот защиты Саудовской Аравии в них теперь не про-

сматривается. Королевство вынуждено считаться с новой реальностью. Если до 13 года существовали определенные иллюзии на этот счет, то жесткая и прямолинейная политика Обамы на достижение договоренностей с Ираном, завершившаяся на данном этапе женевскими соглашениями по ядерной программе Исламской республики, не оставляет Аль Саудам выбора. Они должны начинать жить в новой реальности.

Безусловно, что саудовская элита неоднородна. Неудивительно, если вспомнить, что только прямых потомков Абдель Азиза Аль Сауда уже около 10 тысяч человек, по праву называющих себя принцами и принцессами. Реальной же властью и влиянием из них обладает не более двух-трех сотен человек, составляющих управленческую, финансовую, промышленную и силовую элиту Саудовской Аравии.

Ситуация осложняется нерешённым вопросом престолонаследия. Ещё при короле Фатхе был несколько изменен завет основателя Королевства, по которому престол

могли занимать наиболее благочестивые сыновья Абдель Азиза. Теперь в число претендентов включены и дети его детей, но проблема пока далека от разрешения. Мощные кланы внутри династии ведут свою борьбу, и пока нет признаков, что кто-либо обладает подавляющим преимуществом.

Первое поколение правителей Саудовской Аравии банально заканчивается. Среди претендентов на престол из здравствующих сыновей Абдель Азиза осталось практически только двое — нынешний кронпринц Салман и второй вице-премьер (формально третье лицо в государстве) Мукрин. Однако Салман не слишком дееспособен, а Мукрин — сын иностранки. В Саудовской Аравии наступает момент, который проходил СССР после смерти Андропова — пока кланы не договорились, на первую роль был посажен почти ничего не понимающий от болезней и возраста К.У.Черненко. Ничем хорошим для нас всё равно не закончилось, и никому неизвестно, как смогут решить эту же проблему саудиты.

Можно сказать, что на сегодня в саудовской элите есть две крупные группировки, при этом они обладают разными взглядами на дальнейшее развитие страны, включая и ее внешнеполитическое позиционирование. Другие кланы и группы тяготеют в разной степени к этим двум.

Группировка, фронтменом которой выступает руководитель саудовских спецслужб и личный друг семейства Бушей принц Бандар, исходит из весьма жестких установок на конфронтацию с Ираном. Ядром этой группировки выступает самый влиятельный клан Королевства Судейри. При этом «Бандар и его команда» отдают себе отчет в уязвимости Королевства по его окраинам. Сборка Саудовской Аравии чисто географически произошла в виде объединения четырех разнородных областей полуострова — Неджда в центре Аравии, Хиджаза на побережье Красного моря с его священными городами Меккой и Мединой, Асира на границе с Йеменом и Эль-Хасы — сегодняшней Восточной провинции, главной нефтяной «житницы» Королевства. Кроме того, есть и северные области Саудовской Аравии со своей специфической историей в жизни династии. Между

всеми этими историческими областями страны есть свои линии разлома, скрепляемые только жесткой конструкцией власти. Нестабильность власти немедленно включит процессы распада страны по этим линиям.

Поэтому группировка принца Бандара, министра внутренних дел Мохаммеда бен Наифа, министра иностранных дел Сауда Аль Фейсала, других влиятельных принцев видит выход в переносе противостояния с Ираном за пределы Саудовской Аравии. Эта группировка и является спонсором войны в Сирии, активно выступает за создание суннитского государства через расчленение Сирии и Ирака — с целью ведения борьбы за лидерство в регионе на его территории. Последствия этой политики видны уже сейчас — радикализация исламизма, возникновение масс вооруженных джихадистов, распространение теории и практики джихада на сопредельные территории и страны.

Другая группировка в саудовской элите, которую возглавляет король Абдалла, его сын Митаб и, видимо, часть клана Аль-Джилуви (родственники, но не прямые потомки

Абдель Азиза аль Сауда, контролирующие нефтеносную Восточную провинцию страны, имеющие претензии к клану Судейри, пытающегося с определённым успехом отстранить их от этого контроля), выступает за иной подход в борьбе с Ираном.

Этот подход выражен в идее короля Абдаллы в виде создания военно-политического, а в перспективе и экономического «Арабского ЕС» из шести аравийских монархий. Пока идея военного союза воспринята всеми шестью государствами полуострова, но вот против полного объединения с созданием наднациональных органов управления выступает, причем вполне категорично, Оман. Интересы султана Кабуса, управляющего страной специфического направления ислама ибадизма лежат вне тотального подчинения такой наднациональной структуре. Естественно, не только теологические разногласия лежат в основе отказа Омана — есть и вполне материальные проблемы внутренней специфики, но так или иначе, идея короля Абдаллы разделяется большинством монархий Залива, понимающих, что им теперь предстоит обеспечивать свою безопас-

ность во многом самостоятельно.

Наконец, есть неопределившиеся кланы и группировки, причём среди них есть такие, которые способны бросить на чашу весов борьбы самые веские аргументы. Это, безусловно, клерикальная элита страны — семейство Аш-Шейх, потомки аль-Ваххаба.

13 год для стран Аравийского полуострова можно считать переломным. Они еще не пришли к окончательному выбору пути развития в новых условиях после Женевской конференции по урегулированию ядерной проблемы Ирана. Слишком мало времени прошло. Но уже сейчас очевидно, что следующий год станет ключевым для них, так как времени для определения и выработки политики противодействия новым угрозам остаётся всё меньше.

Для России ситуация, в которую попала Саудовская Аравия, имеет большой потенциал для принципиального изменения двусторонних отношений с монархиями Залива и Саудовской Аравией в первую очередь. Ранее, когда над

Заливом был раскрыт американский защитный «купол», ни малейших шансов на нормализацию наших отношений не было и быть не могло — США исключительно жестко относились к любым попыткам изменения баланса в этом критически важном для них регионе, а жизненно нуждающиеся в их защите монархии даже помыслить не могли о самостоятельной глобальной игре в обход интересов сюзерена.

Сейчас обстановка коренным образом изменилась. Вопросы безопасности теперь приходится решать самим монархиям. Правда, нужно иметь в виду, что термин «уход США из региона» не совсем точен. Соединенные Штаты не сворачивают, а наоборот, укрепляют системы и структуры региональных командований. Зоной ответственности СентКом являются 19 стран Ближнего и Среднего Востока и Персидский залив. Созданная в начале 80 годов система региональных командований отвечает за одну из задач военной доктрины США, предписывающей глобальное доминирование. Эта система жизнеспособна, и нуждается лишь в дополнительной настройке для обеспечения интересов

США в новых условиях. Кроме того, пока неизвестно, как именно будет решен вопрос с выводом войск НАТО из Афганистана. Пока этот вывод не согласован окончательно, и сейчас идёт довольно сложная игра вокруг него. Поэтому к понятию «уход США из региона» нужно относиться с пониманием определённой условности этого термина.

Ливия

2013 год для Ливии прошел практически без изменений. Раздробленная страна со слабой центральной властью весь год решала проблемы выстраивания баланса между Триполи и регионами страны. Несмотря на откровенно сепаратистские тенденции, которые традиционно исходили из Киренаики, единство страны продолжает оставаться точкой консенсуса между различными силами Ливии.

Падение интереса к ливийской теме в СМИ носило с одной стороны характер информационного пресыщения и переноса основных событий в Сирию, с другой — Запад прямо заинтересован в том, чтобы закрыть ливийскую тему. Слишком велик контраст между декларируемыми целями его вмешательства во внутренний конфликт в этой стране и реальными результатами победы мятежа, гражданской войны и интервенции.

Можно сказать, что поэтому информация из Ливии носила довольно фрагментарный событийный характер,

который не даёт возможности даже относительно объективно понимать процессы, происходящие сейчас в Ливии.

На этом фоне не совсем понятным выглядит единство страны, фактически раздробленной на отдельные территории под контролем самых разных сил и группировок. Остаются в тени стабилизирующие факторы, препятствующие сомализации или балканизации Ливии.

Может показаться странным, но один из главных центров силы — портовый город Мисурата — несмотря на все мыслимые выгоды, полученные ею и её элитой от разгрома Джамахирии, как раз и является одним из таких факторов, не дающим свершиться распаду страны. Возможно, что это выглядит парадоксом, но этому есть вполне логичное объяснение.

На сегодняшний день Мисурата — единственный город Ливии, полностью оправившийся от последствий гражданской войны, серьёзно его затронувшей. Боевые действия, которые вели войска Каддафи и мисуратские опол-

ченцы, коснулись лишь некоторых районов города, однако следы этой войны выглядели сразу после ее окончания ничуть не меньшими, чем развалины Сирта или Бани-Валида.

На сегодня Мисурата представляет из себя цветущий и совершенно мирный город, в котором практически нет проблем с безопасностью, есть работа и вообще ситуация в нём резко контрастирует со всеми прочими городами Ливии.

Мисурата сегодня — это весьма необычная самостоятельная торговая республика, управляемая торговыми кланами. В чем-то она похожа на Великий Новгород, города Ганзейского Союза или Торговую Республику Соан из «Трудно быть богом».

Успешная торговля — залог процветания Мисураты, а полная её независимость от центральной власти оставляет изрядную долю прибыли в городской казне. Мощные боевые отряды Мисураты, известные как «Щит Ливии», обеспечивают безопасность города и гарантируют его

влияние в ключевых районах страны. При этом самовластие торговых кланов ограничивается исламским фактором — блокирующийся с ними муфтий Ливии Садук аль-Гарьяни исповедует идеологию «братьев-мусульман» в её весьма модернистском прочтении. Закрывая глаза на не слишком рьяное исполнение заветов Пророка городскими головами, он тем не менее гарантирует идеологический контроль над Золотым тельцом, чтобы тот не совсем затмил глаза местным торговцам. При этом и торговые кланы держат уровень фанатизма исламистов на вполне приемлемом уровне, канализируя их активность за пределы города.

Эта весьма своеобразная конструкция организации власти позволяет Мисурате быть на сегодня наиболее успешным регионом страны, а мощные вооруженные силы являются ее силовым инструментом.

При этом в интересах мисуратских шейхов не распад страны, после которого ей придется свести свою жизнь к отпору набегам дичающих сограждан, а существование единой, но тем не менее достаточно слабой центральной

власти, способной держать ситуацию в Ливии под своим контролем. Депутаты от Мисураты в ливийском парламенте являются самой мощной и организованной оппозиционной силой, которая не даёт правительству Али Зидана усилить своё влияние. Мисуратские отряды точно так же контролируют ситуацию и в ключевых точках Ливии — в Бенгази, Сирте, Бреге, Триполи, не давая местным бандитским группировкам и сепаратистам возможность слишком уж активно оппонировать центральной власти.

Но при этом Мисурата очень ревностно следит и за усилением Триполи. В первую очередь — за наращиванием правительственных вооруженных сил и спецслужб. События в Триполи в середине ноября, когда были расстреляны мирные демонстранты — это дело рук именно «Щита Ливии», который чуть позже вышел из Триполи не столько под давлением правительственных сил, сколько по решению мисуратского городского совета. Будет решение — они войдут в Триполи вновь.

На самом деле, ничего нового мисуратские шейхи не

изобрели — примерно таким же образом город жил столетиями. Период Джамахирии прошел для него в несколько более стеснённых обстоятельствах, но и во времена Каддафи Мисурата имела довольно автономный статус в обмен на лояльность Лидеру.

Задачей правительства Али Зидана оставалась и продолжает оставаться обуздание многочисленных военных группировок, неподконтрольных никому, кроме своих вожаков. Помимо Мисураты, это и бенгазийская «Барка», претендующая на влияние в Киренаике, но вынужденная делить его с так называемой «Армией защиты нефти» из Аждабии, которая по сути, является наёмно-рэкетирской организованной бандой, охраняющей на весьма возмездных условиях месторождения, трубопроводы и нефтяные терминалы Сиртского бассейна. Так называемые зинтанцы или «Армия Западных гор» - это бывшие берберские ополчения с центральным командованием, расположенным в городе Зинтан. Исторически сложные отношения между берберами-амазигами и властями Триполи сегодня перебалансированы в пользу первых.

Есть и другие ополчения и откровенно бандитские группировки. В первую очередь нужно вспомнить про племена, сброшенные со своих привычных мест в племенной иерархии. Племя Варфалла в этих раскладах стоит особняком, как наиболее многочисленное — и поэтому мисуратские шейхи крайне ревниво относятся к возрождению родового гнезда Варфаллы Бани-Валиду, периодически устраивая карательные экспедиции в его сторону.

Есть племена, которые исторически слабо подчинялись любой власти, и теперь используют слабость Триполи для реализации своих интересов. Юго-запад Ливии серьезно зависим от идущих в Мали сложных процессов, связанных с созданием относительно независимого Азавада. Наконец, есть просто бандиты с большой дороги и обычные граждане, вынужденные создавать свою собственную систему самообороны в местах, где власть отсутствует как явление.

Пустыня Ливии стала прибежищем исламистов, используется Западом для организации лагерей подготовки

боевиков. Теперь эти лагеря всё больше мигрируют в сторону Ирака и Сирии, поэтому значение Ливии в этом вопросе существенно снижено. Наконец, нужно помнить про огромное количество оружия, выпавшее из-под чьего-либо контроля. С определённой точки зрения даже хорошо, что режим Каддафи находился значительное время под международными санкциями — это не позволило мятежникам в конечном итоге завладеть относительно современным оружием, но они компенсируют качество количеством.

Этот сложный конгломерат интересов балансируется совершенно объективной необходимостью для всех участников процесса иметь какое-никакое, но действующее центральное правительство. Дело в том, что племена и группировки, контролируя каждый свой кусок экономики Ливии, которая по сути представляет сегодня только экспорт углеводородов, нуждаются в неких единых структурах, внутри которых можно относительно ритмично осуществлять добычу, транспортировку и отгрузку нефти. Уже поэтому распад Ливии выглядит весьма гипотетическим сценарием, хотя никто не желает поступаться своими интересами

больше возможного.

В таких условиях правительство Ливии рассматривается всеми сторонами лишь как первый среди равных, и любые его попытки взять больше, чем есть сейчас, встречают жесткий отпор со стороны племенных шейхов и городских советов.

2013 год не стал годом, когда можно было бы говорить о каких-то принципиальных сдвигах в этой ситуации. Столкновения между боевиками и группировками, тактическая борьба в парламенте, регулярные и довольно ожесточённые всплески вооруженной борьбы — вот, в сущности, как прошёл нынешний год в Ливии.

Скорее всего, ближайшие годы будут идти примерно в таких же попытках сформировать относительно устойчивый центр, причем необязательно им останется Триполи. Во всяком случае, Мисурата в качестве новой столицы Ливии (формальной или фактической) выглядит не менее вероятной, хотя городские торговые кланы не высказывают

подобного желания, перенося борьбу за пределы своего города. Вероятность появления нового харизматичного лидера типа Каддафи, конечно же, есть — но видимо, этот этап истории для Ливии завершился. Скорее устройство Ливии будет гораздо более децентрализованным, в котором будет существовать несколько центров силы, находящихся между собой в балансе соперничества-сотрудничества.

Ливия в некотором роде повторяет судьбу Японии, которая после поражения во Второй мировой войне и оккупации сугубо формально приняла все атрибуты западной демократии, не менее формально и демонстративно ликвидировала свою особенную экономику, опирающуюся на промышленно-банковские кланы-дзайбацу, но в итоге осталась именно Японией, переплавив привнесенные внешние признаки с собственным внутренним содержанием. Аналогии — вещь условная, но Ливия, став после крушения Джамахирии внешне демократической парламентской страной, продолжает жить как и прежде, выстраивая балансы интересов, основанные на традиционных племенных и территориальных особенностях. Переходный период может за-

нять годы, но в конечном итоге Ливия останется самобытной и относительно независимой страной.

Для нас особый интерес Ливия представляла по сугубо частным вопросам, к которым продолжает относиться судьба двух россиян и их товарищей по несчастью из Украины и Белоруссии.

Россия в 2013 году начала осторожные, но вполне определенные шаги по восстановлению сотрудничества с Ливией, которое было прервано мятежом, а затем и войной 11 года. Для нашей страны это три основных проекта — продолжение строительства железной дороги вдоль побережья, нефтяные проекты и военно-техническое сотрудничество. По разным оценкам, итогом такого сотрудничества могут стать контракты на общую сумму от 10 до 15 млрд долларов. Часть из них была заключена во времена Каддафи, часть прорабатывается, часть находится в стадии обоснования.

Однако события осени, когда произошел весьма

странный и до сих пор загадочный инцидент с участием российской гражданки Устюжаниновой, якобы убившей одного из членов полубандитской военизированной группировки в Триполи с последующей атакой российского посольства и его эвакуацией, прервал все связи России и Ливии. Сегодня посольство возвращается в Триполи, и есть надежда на продолжение сотрудничества, а также окончание эпопеи заключенных россиян, белорусов и украинцев, чем бы они не занимались в Ливии в 11 году.

Йемен

Йемен — еще одна страна Арабской весны, где с самого начала всё пошло не по сценарию. Уже через пару месяцев после всплеска интереса к народным протестам в Санае журналистам стало всё сложнее рассказывать про стремление к демократии и прогрессу под пятой очередного диктаторского режима. То, что шло на смену деспотичному правлению Али Абдаллы Салеха, совсем не напоминало ни прогресс, ни демократию, ни элементарный порядок.

Основная беда Йемена — один из самых высоких уровней рождаемости. Многие развивающиеся страны попадали в ситуацию перехода между воспроизводством населения первого и второго типов. Стадия перехода опасна тем, что большая доступность к относительно качественной медицине и улучшение условий жизни существенно снижает смертность, но при этом рождаемость остаётся на прежнем уровне, обеспечивая резкий всплеск численности

населения.

Переходный период обычно длится не слишком долго, и при относительно стабильной динамике развития страны постепенно сменяется вторым типом воспроизводства, при котором коэффициент фертильности снижается, рождаемость падает, темпы роста населения замедляются. Вот с этим у Йемена и не сложилось.

Диктатор и деспот Али Абдалла Салех был, конечно, не подарок, но при нём жизнь страны худо-бедно, но стала налаживаться. Процесс шел скорее худо и довольно бедно, и с 1975 года к началу Весны численность населения удвоилась и достигла 24 миллионов человек. Радоваться йеменцам не приходится — сегодня чуть меньше половины населения в возрасте до 15 лет, а старше 65 лет — всего 3%. Прирост населения не замедляется и составляет колоссальные 3%.

При этом для Йемена, как и Сирии, очень серьёзную проблему представляют беженцы извне. В Сирии две вол-

ны беженцев — палестинцев и иракцев — добавили почти 2 миллиона новых жителей. Если палестинцы успели как-то «врасти» в жизнь страны, то полмиллиона (по некоторым данным вообще миллион) иракцев легли тяжелейшим бременем на экономику страны. Они же стали мобилизационным ресурсом для группировок боевиков во время идущей уже три года войны.

В Йемене беженцев несколько меньше — от 300 тысяч до полумиллиона. Прибывают они в основном из-за моря — из Сомали, Эфиопии, Эритреи. Однако экономика Йемена куда как слабее сирийской, и беженцы стали мощным дестабилизирующим фактором, сработавшим во время Весны.

Ещё одна напасть страны — тотальная наркотизация. Тотальная — не фигура речи. Около 90% мужчин и около трети женщин употребляет кат — легкий наркотик, производимый в самом Йемене. Его употребление регламентировано, однако при такой распространенности никакие законы и запретительные меры не действуют. Кат вытесняет

другие агрокультуры, при этом обеспеченность водой в Йемене близка к критической. В итоге рост плантаций ката происходит за счет снижения производства продовольствия, усугубляя тяжелое положение населения.

Наконец, еще одна весьма специфическая особенность Йемена — трайбализм (племенное деление). В этих условиях параллельно существовало две правовые системы - законная и обычная, опирающаяся на традиционное право. Салех учитывал эту специфику и выстраивал довольно устойчивые балансы между племенными шейхами и властью. Однако стремительно ухудшающаяся с середины первого десятилетия нового века экономическая ситуация вызвала конфликты, которые и стали составной частью Весны в Йемене.

Основным оппонентом Салеха и его клана среди племенных шейхов был и остаётся Садык аль-Ахмар, руководящий (с определенной долей условности) племенной конфедерацией Хашид, к которой впоследствии присоединились и шейхи еще одного племенного союза Бакиль, само-

го крупного в стране. Так до конца и не погасший мятеж шиитов-зейдитов на севере Йемена из организации «Аль-Хусийюн» продолжает тлеть и по сей день. На юге страны в суннитских регионах действуют разнообразные суннитские радикальные группировки, крупнейшие из которых «Аль Кайеда Аравийского полуострова (АКАП)» и «Ансар аш-Шариа». Наследие прошлого просоциалистического Южного Йемена добавляет в густой суп противоречий левая и просто светские группировки смутной идеологической направленности.

Уход Али Абдаллы Салеха с поста президента мало что изменил в раскладах Йемена. Сам по себе уход Салеха и передача им власти бывшему вице-президенту Абд Раббо Мансуру Хади не сказался на прочном контроле семьи Салеха за силовыми структурами страны. Его сын Ахмед продолжает командовать Республиканской гвардией, которая по сути является племенным ополчением на постоянной основе. Выстроенная Салехом клиентско-патронажная система сохраняет лояльность части племенных шейхов клану Салеха. А.Р. Мансур Хади не может полностью опираться

ся и на армию — частично ею командуют приверженцы «Альянса йеменских племен» С. Ахмара и его родственники.

Наконец, пороха в огонь добавляют американские беспилотники, ведущие свою войну с теми, кого США сочтет террористом. К примеру, 12 декабря 2013 года беспилотник атаковал свадебную процессию, в результате атаки были убиты 17 человек. Правда, при этом было заявлено о гибели двух разыскиваемых террористов АКАП неких Салеха аль-Тайса и Абдуллы аль-Тайса, но даже в этом случае соотношение 15:2 в «пользу» мирных жителей говорит об эффективности такой тактики.

Естественно, что боевики, используя факты таких варварских ударов, применяют их в пропаганде своих взглядов, ориентируя население на борьбу с режимом, допускающим на суверенной территории Йемена вмешательство иностранных военных.

Бесконечная война, идущая в Йемене между всеми

участниками противостояния, в декабре 13 года получила новый импульс после мощной атаки боевиков «Ансар аш-Шариа (Последователи шариата)» на комплекс Министерства обороны. В ходе неё более 50 человек было убито, 170 — ранено. Во время атаки в комплексе зданий в военном госпитале находился на обследовании президент А.Р. Мансур Хади, что наводит на мысль о серьёзных информаторах боевиков в окружении президента.

В целом 13 год стал для Йемена годом динамичного ухудшения обстановки. Оно не выглядит слишком быстрым, но пока нельзя говорить даже о замедлении этой динамики.

Фактически Йемен идёт по пути Сомали — дальнейшая деградация обстановки может окончательно фрагментировать его территорию и сделать государственную власть сугубо номинальной, если она вообще останется существовать. Договоренности между таким большим количеством участников борьбы, примерно равных по силам и возможностям, в условиях скудеющих ресурсов и ухудша-

ющейся экономической и социальной обстановки маловероятны. Однако как долго может происходить это обрушение и насколько стремительным оно будет в своей последней фазе — предугадать сейчас невозможно.

Единственное, что может существенно переломить обстановку — это вмешательство внешней силы, которая усилит одну из сторон конфликта, даст ей преимущества перед остальными и позволит выстраивать отношения с позиции силы.

Однако сам по себе этот процесс неизбежно затянется на долгие годы, а вмешательство такой внешней силы выглядит весьма неправдоподобным.

Афганистан

Спешка Соединенных Штатов и в какой-то мере России в деле урегулирования сирийского конфликта и иранской ядерной программы связана с тем, что следующий год должен стать временем начала вывода войск коалиции НАТО (или сил ISAF) из Афганистана. Вопрос этот лежит далеко за рамками технического события. Он неизбежно ведет к очень серьезному реформатированию всей ситуации в регионе Центральной Азии, что вынуждает весьма спешно заканчивать дела на Ближнем Востоке, приводя их в более или менее законченный вид. Афганистан сулит ничуть не меньше проблем, чем Сирия и Иран по отдельности, а возможно, что даже и вместе взятые.

Вывод войск — вопрос еще не решенный до конца. Сугубо с формальной точки зрения он может быть отложен в случае подписания между Афганистаном и США соглашения о безопасности. Это соглашение позволит НАТО держать, пусть и в усеченном виде, контингент войск,

способный поддерживать режим Хамида Карзая и не допустить приход "Талибана" к власти. Однако, как ни странно, и в Афганистане, и в самих США есть противоположные точки зрения на этот вопрос.

Соглашение о безопасности между Афганистаном и США

Президент Обама еще свою первую предвыборную кампанию построил на обещаниях вывода войск из Ирака и Афганистана и завершения весьма непопулярных в Америке войн. Помимо чисто электоральных соображений Обама руководствовался и практическими резонами.

США за время президентства Обамы аккуратно и без особой помпы отредактировали свою военную доктрину. До него она предполагала возможность Соединенных Штатов обеспечивать глобальное доминирование в мире и вести одновременно два локальных конфликта. Теперь военная доктрина США допускает ведение лишь одного локального конфликта при обеспечении первого условия,

хотя и оно было чуть-чуть отредактировано. Суть происшедшего на поверхности: Соединенные Штаты не в состоянии нести столь значительные затраты, и нынешний кризис, во многом спровоцированный их амбициями, этому вполне убедительное подтверждение.

Однако проблема заключается не столько в миролюбии или скупости Барака Обамы, но носит куда как более широкий характер. Застрявшая в афганских горах почти половина армии США, по сути, исключена из игры. Мощь Соединенных Штатов базируется на мощи их экономики, финансовой системы и военной силе. Первые два компонента находятся в серьезном кризисе, а военные возможности США существенно ограничены связанностью их в Афганистане. Невозможно без опасности поражения вывести часть войск из этой страны и направить их для решения каких-то других задач.

Позиции Соединенных Штатов в такой ситуации существенно ограничены, и они не могут вести переговоры

по любой серьезной проблеме с привычной им позиции силы и угрозы применения этой силы. И вот этот нюанс все партнеры США по переговорам прекрасно понимают. Уже сейчас видно, что Обама вынужден вести крайне осторожную политику на Ближнем Востоке и делать все возможное, чтобы не дать втянуть Америку в новый конфликт: его страна уже точно не потянет.

Этим, видимо, можно объяснить и крайне опосредованное участие США в ливийской войне, сирийском конфликте, фактический проигрыш в Египте и вынужденные шаги по нормализации отношений с Ираном. Политика «управляемого хаоса», когда Америка могла себе позволить непосредственно вмешиваться в процессы хаотизации и последующего реформатирования хаотизированных территорий, уступает место политике «контролируемого хаоса», когда конечная цель остается прежней, но США лишь косвенно влияют на обстановку через выбранных ими посредников или «смотрящих».

Иран, с которым Соединенные Штаты последний год активно налаживают отношения, как раз и есть часть новой политики Обамы. Его задача — обеспечивать безопасность региона Ближнего Востока в рамках, заданных Соединенными Штатами, а рамками являются условия заключаемых с Ираном соглашений и угрозы возобновления «калечащих санкций».

Таким образом, вывод войск из Афганистана и прекращение непосредственного присутствия армии США в этой стране целиком и полностью вписываются в новую политику Обамы. Он заинтересован в выводе, однако американский президент существенно ограничен в своих возможностях: кризис вызвал серьезные противоречия в американской элите, часть которой категорически не согласна с новым курсом и новой политикой Обамы. Поэтому она заинтересована в противодействии ей.

На афганском направлении это проявляется в давлении и на Обаму, и на афганского президента Карзая с це-

лью вынудить их подписать соглашение, которое позволит оставить все как есть еще на десять лет, до 2024 года. С одной стороны, Карзай должен приветствовать подобное развитие событий. Речь идет о его выживании - и политическом, и чисто физическом. Судьба Наджибуллы, Каддафи или даже Мубарака ему совершенно не улыбается. Тем более что клан Карзая (а он принадлежит к весьма влиятельному клану Попалазай племени дуррани) сумел за последнее десятилетие врасти в афганскую экономику и обеспечить себе вполне приемлемый по местным меркам доход.

Тем не менее Карзай медлит и не подписывает соглашение. Мало того, он не подчиняется требованиям Лойя джирги (влиятельному собранию старейшин всех племен Афганистана), выступившей за подписание. Общественное мнение Афганистана во многом также солидарно с этим требованием, но Карзай не просто медлит, а отказывается подписывать документ до выборов, которые пройдут в следующем году. «Пусть новый президент и решает» - вот логика Карзая. При этом он будет баллотироваться и среди 22

кандидатов на высший пост имеет наибольшие шансы. Парадокс, но при этом весьма логичный.

Активизация "Талибана"

Карзай очень обеспокоен возможной активизацией "Талибана", который и не скрывает своего стремления вернуть власть немедленно после ухода из страны сил ISAF. Несмотря на то что талибы располагают всего примерно 30 тыс. бойцов, их боевые возможности вполне сопоставимы с боевыми возможностями силовых структур афганского правительства, насчитывающих приблизительно 300 тыс. человек в армии и полиции. Экономически и ресурсно силы талибов и Карзая тоже вполне сопоставимы: это и наркоторговля, и зарубежная помощь. Ситуация не выглядит однозначной, и победа одной из сторон может оказаться пирровой. Кто бы ни победил, он будет ослаблен настолько, что станет сопоставим с другими игроками Афганистана. Это и сепаратисты-таджики, и узбеки, традиционно оппозирующие центральному правительству, и племенные вожди, и этнические и конфессиональные мень-

шинства. Превращение Афганистана в новое Сомали или Ливию не улыбается ни Карзаю, ни мулле Омару. К чему победа, плодами которой невозможно воспользоваться.

Если же учесть настоятельную необходимость для Обамы в выводе войск, рассчитывать на него Карзай уже не может. Как расчетливо Обама способен предавать вышедших в тираж "союзников", продемонстрировали и Египет, и Йемен, и, видимо, в скором будущем будет демонстрировать и Саудовская Аравия. Карзая представляют слабым политиком, но он действует так, как позволяют ему скудные возможности. Сам он весьма умен и обладает всеми необходимыми для восточного политика качествами. Поэтому расклады он читает прекрасно, что и подтверждает своими действиями.

Карзай вынужден учитывать крайне вероятное развитие событий, при которых силы ISAF покинут Афганистан вне зависимости от его желания, требований лояльности джирги или населения, опасющегося прихода радикальных фун-

даменталистов. Поэтому на повестке дня стоят переговоры с "Талибаном". И Карзай их активно ведет.

Как разыграет карту Карзай

В сентябре этого года по его личной просьбе в Пакистане из тюрем были освобождены видные деятели талибов, среди которых и второй человек в движении Абдул Гани Барадар. Барадар немедленно получает прямой доступ по телефону к Карзаю и ведет с ним продолжительные разговоры. Среди освобожденных и доверенное лицо и советник муллы Омара Абдул Ахад Джахангирвал, с которым, по разным сведениям, Карзай тайно встречается лично.

Талибов интересует власть, но они, как прагматики, отдают себе отчет в патовой ситуации и возможных проблемах после победы над Карзаем. Поэтому они готовы договариваться и входить в коалиционное правительство. Судя по всему, талибам предложен паритетный вариант, при котором их присутствие будет уравновешено присут-

ствием их противников, и в частности, Гульбеддином Хекматияром. Хекматияр — один из руководителей Альянса Семи, свергнутого талибами в 90-е годы, их непримиримый противник. Цель Карзая — создать такой баланс сил во власти, при котором он становится арбитром.

Это понимают и талибы, поэтому без восторга относятся к идее младшего партнерства с Карзаем: им нужны равные условия. На это уже не может пойти Карзай, отдающий себе отчет в опасности такого союза. Времени остается крайне мало. Военное руководство США в лице руководителя объединенного комитета начальников штабов Мартина Демпси уже предупредило Карзая, что не может бесконечно ждать его решения по поводу соглашения с США. Резоны Демпси понятны: вывод войск сложен в планировании, а за качество вывода отвечает как раз он лично. На Карзая давит и Госдепартамент, требуя от него определиться. При этом весной 2014 года выборы в Афганистане, и у него попросту не останется времени на переговоры. Январь, максимум февраль - вот отпущенное ему время на

принятие решения.

Поэтому Карзай отработывает и "план Б", по которому вывод войск состоится при любой погоде, но вместо войны на истощение с "Талибаном" он заключит соглашение с кем-то из мощных региональных игроков, способных его поддержать в этой борьбе и переломить ситуацию в его пользу. Собственно, таких игроков три — Иран, Индия и Пакистан. Плюс Россия, для которой стабильность в Афганистане и отсутствие монополии талибов во власти является вопросом безопасности всего Среднеазиатского региона.

Пока Карзаю удастся и этот план. Он уже заключил соглашение с Ираном, буквально на днях завершил свой визит в Индию, ведет консультации с Россией. Пакистан, судя по всему, отдельная и сложная тема, которую Карзай будет вынужден откладывать на потом или вообще не учитывать в своих планах. Пакистан сам решает проблему замирения с "Талибаном" и тоже испытывает колоссальные трудности. Наметившееся подписание договоренностей с

«Техрик-е-Талибан Пакистан» не состоялось из-за убийства ключевого руководителя пакистанских талибов Хакимуллы Месхуда, атакованного американским беспилотником буквально за несколько дней до замирения с пакистанскими властями. В случае подписания мирного соглашения уже с новым руководителем "Талибана" в Пакистане муллой Фазлулой Пакистан будет связан своими обязательствами и не сможет помочь Карзаю.

Россия, безусловно, крайне заинтересована в спокойствии в регионе. В случае прихода к власти талибов или краха стабильности в Афганистане ситуация на границах рухнет, а у России здесь пока не выстроена система безопасности. Военное присутствие в Таджикистане не подкреплено работающими структурами ОДКБ. Система коллективной безопасности пока только выстраивается и поддерживать неприкосновенность границ с Афганистаном в полной мере еще не может. К сожалению, Россия не обладает возможностями Советского Союза в этой критически важной точке мира, и любая, даже не очень значительная

победа "Талибана" может обернуться весьма серьезными проблемами.

Исламский ренессанс "арабской весны" уже показал, что радикальные идеи захватывают огромные массы людей и стабильная обстановка в одночасье может обрушиться. Пока власти Таджикистана, Узбекистана и Туркмении контролируют свои страны, но успех "Талибана" может привести к резкому всплеску исламистских настроений, а далее на север от этих стран — совершенно открытый Казахстан и 7,5 тыс. км российско-казахской границы, которую прикрывать попросту нечем, да и невозможно. Поэтому наша граница проходит по северной границе Афганистана — другой у нас просто нет.

В кратко- и среднесрочной перспективе выход американских войск из Афганистана для России не очень выгоден с точки зрения развития ситуации в Центральной Азии. Мы еще не готовы взять на себя ответственность за неё. Однако всё будет зависеть от тех решений, которые в итоге

будут приняты в Вашингтоне. Обама не может не учитывать серьёзное сопротивление своих противников, обеспокоенных утратой привычных позиций в Азии и не слишком уверенных в способностях контролировать ситуацию новыми, косвенными методами. Обама не может гарантировать ни им, ни себе действенность своей не прямой политики — резко осложнившиеся отношения с Пакистаном тому пример.

Пока США не отработали свои технологии Soft Power, они носят во многом декларативный и пропагандистский характер. Жесткая борьба между группировками влияния в самих США создают определенные трудности контроля за действиями спецслужб на местах.

К примеру, так до сих пор и не ясно, в интересах какой из этих групп был произведён удар БПЛА, уничтоживший лидера движения пакистанских талибов Хакимуллы Мехсуда буквально накануне подписания договорённостей между «Техрик-е-Талибан Пакистан» и пакистански-

ми властями в конце ноября 2013 года. Очевидно только то, что теперь эти переговоры сорваны, и новое руководство пакистанских талибов будет с большей осторожностью относиться к идее нормализации отношений с властями.

Во всяком случае пока к руководству движением пакистанских талибов пришли люди, не замеченные ранее в продвижении идей перемирия.

Всё это создаёт серьёзную неопределённость в вопросе вывода войск НАТО из Афганистана. Вероятность его велика, но в любой момент планы могут измениться в любую сторону.

Украина

Не отметить декабрьские события на Украине в итогах 2013 года было бы неправильно. Не только потому, что это касается нас, а потому, что Украина продемонстрировала весьма любопытные способы борьбы с технологиями «цветных революций», которые на Ближнем Востоке и запустили идущие сегодня события.

Майдан-04 и Майдан-13 отличаются друг от друга принципиально. Как течением, так и итогами. При том, что цель одного и другого, в сущности, была одной и той же — незаконными и нелегитимными методами добиться политических результатов, которых невозможно добиться правовым путем.

Майдан-04 завершился капитуляцией власти, которая пошла на совершенно антиконституционный «повторный второй тур» президентских выборов — чем, собственно, еще до его проведения и оглашения результатов сдала свои позиции. Майдан-13 весьма бодро закруглил тему евроин-

теграции и практически сходу перешел к теме досрочных выборов. Веди себя власть так же, как в 4 году — у оппозиции даже в отсутствие харизматичной Юлии Тимошенко вполне могло бы получиться. Что же произошло?

Для этого нужно вернуться к идеям, которые были положены в технологии «цветных революций». Они, в сущности, не новы и исходят еще от идей Махатмы Ганди с его мирными протестами и непротивлением злу насиле-ем. При всей неясности такая стратегия является единственно верной для не прямой, а поэтому наиболее эффективной борьбы с силовыми структурами государства.

Эти структуры изначально готовы к силовому противостоянию — поэтому у классических террористов, бунтовщиков или даже мятежников не слишком много шансов в борьбе с ними. Если государство управляет своими силовыми структурами, а они сохраняют ему лояльность — шансы противника играть на привычном для них поле практически равны нулю. Пример Белоруссии в этом смысле весьма показателен — атака на правительственные зда-

ния из толпы митингующих (причем даже неважно — были ли атакующие протестантами или провокаторами спецслужб) немедленно вызвали предельно жесткий ответ с тотальной зачисткой оппозиции по вполне законному предлогу попытки совершения захвата государственных учреждений.

Эффективна ли такая стратегия? Да, но платить за неё приходится конфликтом с зарубежьем, которое получает право клеймить вас в нарушениях прав человека, непропорциональном насилии и прочих страшных грехах. Ваши робкие оправдания про то, что у вас тоже негров бьют, не работают — вы играете по их правилам, и поэтому проиграли еще до того, как сели за их стол.

На Украине власть сработала неожиданно иначе. Нелогично. Причем до сих пор неясно — была ли тактика Януковича продуманной или её применили случайно.

Фактически силовые структуры в Киеве повели себя как «майданщики». За исключением, конечно, провокации

с разгоном Майдана, которая вызвала его вторую серию — но это была, похоже, реакция тех группировок во власти, которые и стояли за заказом Майдана, и которые внезапно поняли, что всё пошло не так.

Всё остальное время милиция и «Беркут» терпеливо стояли перед беснующейся толпой бандитов, которые просто требовали применить к ним хоть какое-нибудь насилие. Вряд ли силовики не могли ответить — но не отвечали. Приказ стоять был совершенно недвусмысленным.

Это полностью разрушило привычную конструкцию «цветной революции», ориентированную на насилие со стороны властей, как на естественную и совершенно законную реакцию. Майдан немедленно потерял цель и смысл. Провокаторы перестали выглядеть борцами с режимом и стали тем, кем и были на самом деле — просто провокаторами и бандитами. Неприятие власти населением, которое никуда не делось, вошло в диссонанс со зрелищем беснующихся молодчиков перед шеренгами безоружных солдат ВВ. «Беркут», стойчески выдерживающий обливание с

верхних этажей захваченных административных зданий, выглядел по сравнению с «революционерами» на две головы морально выше.

Майдан умер в день, когда провокаторы штурмовали строительной техникой солдат — а те стояли. Всё остальное стало агонией революции, и метания лидеров оппозиции, не понимающих, что им делать, когда события идут не по методичке, превращали их из народных заступников в клоунов — кем, собственно, они и являлись на самом деле.

Цена, которую предстоит заплатить украинской власти за эту контртехнологию, пока остаётся неизвестной. Вряд ли «Беркут» готов каждый раз безропотно стоять перед толпой, его лояльность теперь - под вопросом. То, что после Майдана возникло мнение о том, что «Беркут» предали — факт. Насколько оно окажется стойким, неясно.

Тем не менее, произошло то, что произошло. Нужно осмыслить результат, понять его причины и подождать следствия. Наверняка технологи «цветных революций» уже

изучают события на Украине и вносят коррективы — но нужно отметить, что борьба снаряда и брони теперь реализуется и на когнитивном уровне.

Собственно о поводе, по которому был учинен Майдан, говорить, в сущности, почти нечего. Если вычеркнуть пропаганду со всех сторон, то в сухом остатке остаётся неокOLONиальная политика Европы. Расширение Европы за счет Востока — единственный способ выжить проекту ЕС. Единая Европа, задуманная как эксклюзивный рынок для германских и французских товаров, «переварил» страны бывшего Варшавского блока, ликвидировал их промышленность, посадил на кредитную иглу и теперь вынужден искать новые жертвы.

Украина с её 45-миллионным населением выглядит весьма соблазнительной добычей, гарантирующей 5-7 лет освоения её территории и рынка. На дальнейшее горизонт планирования европейцев не распространяется — не до стратегии, на дворе кризис.

Интерес компрадорской буржуазии Украины понятен — получив свою собственность и власть в ходе грабительских приватизационных процессов, она заинтересована в их легитимации. Войдя в «европейскую семью», процесс легализации собственности будет ею завершен. Теперь эту собственность будут гарантировать не своё внутреннее законодательство, а европейское — и беспокоиться о реституции уже не придётся. За это право придется заплатить — но лучше потерять часть, чем в конечном итоге всё.

Интерес народа Украины менее очевиден. Даже со шкурных позиций продаваться Европе в ситуации кризиса неразумно — Европе просто нечего предложить, кроме своих ценностей. Заберет же она всё остальное. Будь Европа на подъёме — ещё можно было бы объяснить интерес какой-то материальной заинтересованностью. Сейчас даже совсем завязтые евроинтеграторы не рискуют лгать так явно. Поэтому и лозунги общего характера.

Катастрофа Украины, как государства, предопределена изначально — самостоятельно закрыв для себя общий

советский рынок, она жестко ограничила возможности своей экономики. «Западэнское» меньшинство, навязав свою волю большинству украинцев, не даёт вернуться к разумному пути развития, не предлагая конструктивной альтернативы. Поэтому дальнейшее продолжение текущей политики «ласкового теляти», пытающегося сосать у двух матерей, ведет к дальнейшей деградации украинской промышленности, а в конечном итоге — закрытию проекта самостоятельной Украины.

Как именно произойдет дальнейший развал — даже не важно. На две, три или четыре части. Важно то, что текущая политика неизбежно ведёт страну только к такому итогу.

Выбор альянса с ЕС, как стало очевидно во время декабрьских событий, не решает проблем экономики Украины — у неё нет таких денег и не предвидится. Европа не даст ни евроцента на переформатирование украинской экономики под евростандарты. Теряется смысл приобретения. Итог — исчезновение сколь-либо развитой и единой укра-

инской экономики как явления. Ничего необычного — Восточная Европа является прекрасным примером данного пути.

Поворот к России и выбор её в качестве партнёра при нынешней слабой власти почти гарантировано разорвёт страну минимум на две враждующих территории. «Западэнцы» не отдадут своего права жить за счёт «восточных» и управлять ими по своему усмотрению. Гражданский конфликт неизбежен. Взять на себя ответственность инициировать его и сделать всё возможное для его окончательного решения по любому сценарию — на это нынешняя власть очевидно неспособна. Во всяком случае, не сейчас.

Поэтому пока можно сказать, что 2013 год для Украины не стал ни решающим, ни критическим. Не стал он и годом решений. Он повторил судьбу прежних 20 — стагнация и дальнейшая деградация. Лихие финты президента Януковича и выцарапанные им кредиты — это, конечно, хорошо. Теперь Украина точно перезимует. Однако в каче-

2013. Итоги

стве стратегии развития эти финты не выглядят сколь-либо серьёзно. Что решит власть делать в 14 году — сказать трудно. Возможно, будет продолжать маневрировать и ждать 15 года. Как это обычно принято — чтобы с понедельника точно начать новую жизнь.

Россия

Не будь оглушительных волгоградских терактов «под ёлочку», можно было бы ограничиться перечнем «добрых дел» и вполне заслуженных побед России на внешнем поле. К сожалению, крайне слабо подкреплённых достижениями внутри страны.

Это отсутствие видимых и серьёзных достижений во внутренней политике во многом обесценивает внешнеполитические успехи. Перекос слишком очевиден и прямо скажем, опасен. Нет смысла в победе, плодами которой ты не можешь воспользоваться.

Именно поэтому, если пытаться беспристрастно оценивать итоги 13 года для России с точки зрения баланса успехов, нужно быть предельно осторожным в оценках. Угрожающая ситуация в экономике, которую вынуждено признавать правительство, объективно нивелирует безусловные прорывы в ближневосточной политике нашей страны.

Уход Соединённых Штатов из региона нельзя считать свершившимся фактом — пока на исходе 13 и к началу 14 года есть чётко видимое стремление Обамы перегруппировать свои силы на гораздо более опасном для Америки направлении — Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако его возможности ограничиваются жестким сопротивлением противостоящих ему и его политике политических сил Америки, поэтому определённая корректировка планов возможна и, скорее всего, неизбежна.

Китай ведёт свою политику гораздо жёстче, чем позволял это себе ещё несколько лет назад. Правда, это жёсткость выглядит традиционно по-китайски, вроде знаменитого «последнего китайского предупреждения». Сделав пугающий всех жест по установлению новых границ зоны ПВО, китайцы тут же стерпели демонстративный пролёт через неё американских самолётов. Тем не менее заявленные решениями 18 съезда КПК планы выглядят для Соединённых Штатов весьма неприятно. Возникает обстановка дефайна, когда по прошествии определённого времени Китай сможет создать необратимую ситуацию, за которой

либо конец глобальному доминированию США, либо прямой конфликт с катастрофическими последствиями для всех.

Ни тот, ни другой выход не устраивает Америку. Повторение сценариев Первой и Второй мировых войн, когда за американские интересы воевали европейцы, не слишком просматривается в нынешнем варианте. Китай выглядит куда как мощнее гитлеровской Германии, а Япония — вряд ли сумеет заменить собой антигитлеровскую коалицию, даже скототив каким-то чудом антикитайский блок. Прямое же столкновение США и Китая обесмысливает конфликт — по сценарию, Соединённые Штаты всегда входили в него на последнем этапе, чтобы продиктовать условия мира. В нынешнем случае конфликт может не успеть разгореться — слишком разные весовые категории у растущего Китая и кризисной Японии.

Остаётся вариант непрямого противодействия, который требует от Соединённых Штатов концентрации всех своих скудеющих ресурсов на одном и самом важном

направлении. Ближний Восток теперь к таковым не относится.

Обстановка вынуждает Обаму действовать именно так, а не иначе. Уход США из региона Ближнего Востока неминуем. Альтернатива — они просто не успеют до дедлайна выполнить весь комплекс очень непростых задач, блокирующих превращение Китая в сверхдержаву.

Подготовкой к уходу Соединённых Штатов можно считать все действия президента Обамы на этом направлении последние 4 года. В общем-то, он и не скрывал, что его цель — вывод войск США из Ирака и Афганистана. Поддержка Обамой движения «братьев-мусульман» и сдача оптом всех прежних союзников США в регионе — это тоже подготовка к выходу. Крах первоначальной политики, ориентированной на «братьев», вынудил идти Обаму по гораздо более сложному и неоднозначному пути через установление отношений с Ираном, но опять же — он делает это вынужденно, а поджимающие сроки не дают ему пространства для манёвра.

В таких условиях место США в регионе уже начинает освобождаться, и за него начинается схватка. Россия своей довольно грамотной и уверенной борьбой в Сирии заняла весьма приличное место на этой освобождающейся площади. Собственно, военная программа России — это заявка на достойное место на всех освобождающихся территориях. Весьма вероятно, что Обама будет вынужден освободить даже часть Латинской Америки — он не может себе позволить вести борьбу на многих фронтах, для него теперь есть один, самый главный.

Мы уже видим, что Латинская Америка тоже открывается для нас — и даже без обязательных в этом случае демаршей американцев. Вход России в Венесуэлу в 2013 году прошел как-то буднично, однако важность этого события ничуть не меньше кубинской революции и нашего входа на Кубу. Правда, Мадуро — совсем не Фидель, и есть очень серьёзные опасения за будущее Венесуэлы под его руководством. И здесь пока Россия вынуждена учитывать подобную неприятную вероятность и заранее наводить мосты с венесуэльской оппозицией, которая всё увереннее

дышит в спину преемнику Уго Чавеса.

Контракты, заключенные с Венесуэлой в нефтяной области, в сфере военно-технического сотрудничества, выходят далеко за рамки обычного коммерческого сотрудничества просто своим масштабом. Такие инвестиции и вложения волей-неволей необходимо защищать, поэтому российское присутствие в этой стране и регионе в целом будет только усиливаться, что, конечно же, тоже вызовет претензии к политике администрации Обамы со стороны его противников.

Тем не менее, можно констатировать тот факт, что 2013 год стал годом серьёзной рабочей подготовки к входу России в два очень значимых региона. Для создающегося Таможенного союза, который в перспективе может стать крупнейшим после Евросоюза региональным рынком, выход в Латинскую Америку и Ближний Восток заведомо создаёт прекрасные стартовые позиции для того, чтобы преуспеть в Европе. Пока это лишь смелые мечты, но в 2013 году сделано потрясающе много. Россия сумела под конец

года не столько выиграть, сколько не проиграть Европе Украину — что тем более укрепляет ее позиции в начинающейся игре.

Но. При всех прекрасных позициях во вне страны, внутри ситуация выглядит если не плачевно, то крайне нехорошо. И волгоградские предновогодние теракты высветили все проблемы сразу. Негодная управленческая вертикаль, заточенная в начале нулевых годов под предельно узкую задачу сохранения единства страны, давным-давно отработала своё. По сути, это была модель кризисного управления. Временная структура, которая подлежит замене по мере решения задач, вызвавших её появление.

Проблема в том, что кризисная структура способна работать только в обстановке кризиса — и, похоже, что во многом сегодняшний кризис России спровоцирован потребностью этой структуры в нём. Объективной потребностью, Ничего личного, как говорится.

К сожалению, понимания иных задач, кроме преодо-

ления бесконечной череды кризисов, у нынешней российской власти нет. Отсюда и нежелание идти на кардинальные реформы, которые уже перезрели.

Опыт Ближнего Востока говорит о том, что в современном мире вам не дадут долго раскачиваться — если вы не решаете свои проблемы, вам их усугубят. Начиная игру со столь высокими ставками, как создание наднационального регионального рынка с явными лидерскими амбициями, Россия сама провоцирует своих противников жестко осадить её через негодную внутреннюю ситуацию. Теракты в Волгограде — это, по сути, предупреждение. Трудно сказать, сколько их ещё будет и будут ли они вообще — но критическая черта, за которой нас начнут обрушать как извне, так и изнутри, очень близка. И это не алармизм — это объективная данность. Идея Таможенного Союза затрагивает интересы очень могущественных сил во всём мире, и они не станут ждать, пока Россия сумеет выстроить баланс внутренней и внешней политики в свою пользу.

И это — тоже итог 13 года. Как ни смешно, но слова

Сталина о том, что по мере продвижения к социализму классовая борьба будет только усиливаться, абсолютно тождественна сегодняшней ситуации. Чем дальше Россия будет продвигаться к реализации своих весьма обширных планов, тем сильнее будет нарастать сопротивление им, и тем выше вероятность применения против нас всех существующих технологий демонтажа и обрушения.

Узкое место России — её внутренняя политика. Это целый комплекс проблем — от коррупции и переформатирования своего управленческого аппарата до концептуальных базовых идей. Уже очевидно, что компрадорский олигархический капитализм смертельно опасен для страны. Он является первопричиной большинства каризмических явлений. Однако унылые несистемные идеи, выдвигаемые оппозицией от КПРФ до Болотной, выглядят совершенно параноидально и способны окончательно похоронить страну к безмерному удовольствию окружающих недругов.

Проблема выглядит очень обширной, а главное — системной. Что означает — в рамках существующей полити-

ческой, экономической, социальной, управленческой системы мы неспособны справиться со всем комплексом задач по укреплению страны изнутри. Тогда все наши достижения вне страны бесполезны и попросту бессмысленны.

Времени, как показывает 2013 год, очень немного. Внутри страны нарастает социальная напряжённость. Ваххабитский фактор приобрёл новое измерение — теперь с нами воюют ваххабиты-славяне, и динамика их обращения в новую радикальную веру пугающа. В стране тяжелейшие национальные проблемы, абсолютно нерешаемая проблема засилья мигрантов — как внутренних, так и внешних. Идеологический вакуум заполняют либо парадные религиозные культы, неспособные конкурировать с молодыми и злобными конкурентами, либо откровенно враждебные идеологии, ясно выраженные словами застреленного ваххабита Соколова: «Достаточно того, что ОНИ не веруют». Всё неохваченное этими идеями обрамлено культом алчности и потребления.

На этой эклектичной и совершенно неконструктив-

ной идеологической основе ничего построить невозможно — только разрушить. И 2013 год в который раз ткнул нашу страну в этот железобетонный факт. Сколько раз еще будет нужно ударяться в стену — трудно сказать. Но предел прочности есть у всех. Что-то всё равно придется ломать — или голову, или стену.